

18+

ЛЮДМИЛА
КОЛБАСОВА

Память
РАССКАЗЫ *сердца*

Людмила Колбасова

Память сердца

«Издательские решения»

Колбасова Л.

Память сердца / Л. Колбасова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560034-9

Эти жизненные истории кажутся простыми лишь на первый взгляд. В каждой из них содержится чья-то судьба, по большей части нелёгкая, иногда трагическая. Героини рассказов ищут своё женское счастье на жизненном пути, делая выбор под влиянием различных обстоятельств, советов близких, мнений со стороны, голоса разума, материальной выгоды. Но самый верный выбор всегда подсказывает любящее сердце.

ISBN 978-5-00-560034-9

© Колбасова Л.
© Издательские решения

Содержание

Богатство старости	6
Память сердца	12
Дунька-дурочка	16
Осенние встречи	23
Яблочный блюз	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Память сердца

Людмила Колбасова

*«От веры к бунту – легкий миг один.
От правды к тайне – легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни – легкий миг один».*

Омар Хайям

Фотограф Павел Крайников

Дизайнер Вера Филатова

© Людмила Колбасова, 2022

© Павел Крайников, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0056-0034-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Людмила Колбасова

Богатство старости

*«... прошу Вас... принять во внимание,
что воспоминания – это богатство старости...»*

*Из письма Елизаветы Воронцовой
Александру Пушкину*

1

Она стояла в свете алого заката на высокой прибрежной скале. Солнечные лучи играли на морской глади, едва заметные волны ласкали каменистый берег. Завораживающая красота успокаивала. Майя видела себя со стороны – юную, босоногую, в пёстром ситцевом купальнике. Тугие чёрные косы до пояса. Долговязая, худенькая и счастливая в лёгком неземном покое. Она вновь пыталась прыгнуть. Прыгнуть с крутой скалы в пенящееся внизу море. И в который раз стремилась преодолеть холодящий страх высоты, поднималась на носочки, задерживая дыхание, и... просыпалась. Испуг, сердцебиение и неземное лёгкое счастье от цветного сна незаметно растворялось в утренних часах обыденной жизни...

В сетку на окне, жужжа, билась муха. Квохтанье кур во дворе, гомон птиц в саду, шум проезжающего мотоцикла постепенно возвращали Майю к действительности. Тело наполнилось болью и тяжестью. Кряхтя, с трудом опустила опухшие ноги с кровати. Медленно, держась за стены и дверные косяки, вышла на крыльцо.

– Как мать-то? – услышала голос соседки.

– Плохо, спит много, как будто в себя уходит, – дочка всхлипнула, – доживает, похоже, последнее.

– Девятый десяток – немало пожила, – соседка задумалась, – да в полной памяти и на своих ногах. О таком мечтать только можно.

Майя опустилась на горячее крыльцо: «И вправду зажилась», – подумала. Вспомнила сон и горько усмехнулась: «Опять не прыгнула».

Почему, когда подошла к финишу жизни, когда земное уже почти перестало волновать, вдруг всплыли из глубин памяти картины так и не свершившегося полёта, эти далёкие отблески несбывшегося счастья и любви? Возможно, это и были самые яркие и счастливые моменты в её судьбе? Зачем же они до сих пор так болезненны и сладки? Или это остатки земного, которое всё ещё держит и не отпускает? Майя понимала, что жизнь её полностью себя исчерпала и готовилась к освобождению души и предстоящему переходу в вечность. Верила в неё и надеялась, что будет она иной – доброй и лёгкой, совсем не похожей на её земное неприкаянное и нескладное существование. Полагалась и... мечтала хоть в той неизведанной бесконечности, поборов страх, прыгнуть с высокой скалы и свидеться с Валеркой...

Майя не помнила своих родителей. Осталось лишь несколько фотографий. Отец в военной форме с ромбами в петлицах, да мама в строгом костюме с камеей из морской раковины на кружевном воротнике блузки. В сорок первом они вместе ушли на фронт и не вернулись. С начала лета Майя гостила у бабушки в Крыму и осталась с ней после 22 июня. Дед, смотритель маяка, умер ещё задолго до того, как чёрные тени от самолётов вермахта начали двигаться в сторону нашей границы. Стариков и детей эвакуировали, но они не поехали. Пережили оккупацию, радостно встретили Победу.

Море – безбрежное и бесконечно-волнующее, каждый день и каждый час разное, очаровывало, притягивало и было её жизнью.

Как-то на каникулах бабушка повезла Майю в столицу. В Мавзолей ходили, в музей Революции. По Красной площади гуляли, Третьяковскую галерею посетили. Долго смотрела она, затаив дыхание, на полотна Айвазовского:

– Посмотри, бабушка, наше Чёрное море, как живое, дышит. Какой простор, сила, – и запрорисалась домой, – душно тут, суетно.

– Ну как, понравилась Москва? – спрашивали соседи.

– Ничего, красиво, – Майя пожимала худенькими плечами, – только моря там нет.

Тревога за безрассудную в своём бесстрашии внучку, вынудила бабушку попросить соседского паренька, на пять лет старше Майи, присматривать за девочкой. Валерка не мог отказать уважаемой на всём побережье вдове, и худая длинноногая смешливая пацанка с тех пор таскалась за ним повсюду. Мальчишка был беззаветным романтиком моря. С детских лет собирал репродукции картин Айвазовского, зачитывался произведениями писателей-маринистов.

Он сажал Майю на раму своего видавшего виды велосипеда и, преодолевая гористую местность, катал по побережью. На отцовской моторной лодке возил в бухту Ласпи – самую тёплую и живописную в Крыму, где на склонах Главной Горной Гряды дышат вековым покоем сосновые заросли. Водил горными тропами в Храм солнца и рассказывал прочитанные книги, как героические сказки моря. С Валеркой было интересно и надёжно. Она даже преодолела страх высоты и вместе с ним поднималась на скалу, откуда мальчишки прыгали в морскую пучину.

– Майка, давай, не дрейфь, – кричал из воды Валерка, но она, подойдя к краю, вновь испытывала головокружительный страх, настоящий ужас – до тошноты, до слабости в ногах. И отступала.

Майя доверяла ему во всём и уже не мыслила жизнь без него. А он всегда был рядом – близкий и заботливый, снисходительный и терпеливый, и всегда готовый помочь.

Как-то, стесняясь, попросила: «Валера, поехали завтра в город, мне в библиотеку надо», – и опустив глазки, по-детски трогательно сморщила носик.

– У меня с обеда смена, – парнишка подрабатывал летом в рыболовецкой артели.

– Ну, мы быстро, – не унимаясь, канючила Майка.

Валерка усмехнулся и, жалея смешную девчужку-сироту, согласился.

Майя сидела на раме велосипеда, стопка книг была аккуратно привязана к багажнику. Восходящее солнце нещадно палило, и ветер с моря приносил лишь лёгкую прохладу. Велосипед тяжело поднимался в гору по узкой каменистой тропе.

Авария случилась в секунду: лопнуло колесо, руль повело в сторону, и Валерка с Майей кубарем покатались вниз, ударяясь о камни.

Разбитые локти, колени. Увидев кровь на лице парня, она от испуга заплакала.

– Не реви, – Валерка ощупывал ноги девочки, – до свадьбы заживёт, – и подмигнул улыбаясь.

Разорвав рубашку, перевязал её раны и поднял пострадавшую девочку на руки, прихватив и связку книг, с которыми она никак не хотела расстаться. «Ну, куда от тебя денешься?» – для вида проворчал Валерка и, как всегда, улыбнулся. Эта простодушная добрая улыбка словно ключиком открывала дверь в её счастье. В сильных его руках было безопасно и спокойно. Обхватив тонкими ручонками шею паренька, девочка смотрела на выгоревшие ресницы, лёгкие веснушки и, встречаясь с Валеркой взглядом, неожиданно для самой себя краснела. Горячее солнце жгло, ослепляло, хотелось пить, но ни одним взглядом или словом, Валерка не выказал усталость и огорчение. Солёными струйками по его шее стекал пот, смешиваясь с кровью, что сочились из ран на голове, и Майке хотелось нежно промокнуть эти розовые подтёки, чтобы утешить его боль. Трепетно билось сердечко и неизведанные ранее чувства кружили голову.

– Принимайте, довезти не смог, но домой донёс, – ставя девочку на крыльцо, Валерка, волнуясь, сдал раненую внучку бабушке, – готов понести наказание.

И повинно склонил голову. Ушибы, ссадины да лёгкое растяжение – отделались легко. Вечером Валерка принёс гостинцы. Присел на кровать рядом с ней, а у Майки перехватило дыхание, её бросало то в жар, то в холод и она не смела поднять глаз. Загорелый, как уголёк со взъерошенным золотистым чубом, он волновал её настолько, что начинало першить в горле. Всем своим детским сердечком Майка поняла, что влюбилась. Но эта их злополучная поездка была последней. Подошёл срок, и Валерке пришла пора идти в армию.

Свои тайны Майя доверяла дневнику. И надо же было такому случиться, что однажды задремала на веранде, оставив недописанную страницу открытой, а бабушка нечаянно прочитала.

– А ну вставай, – размахнулась тонким прутом, – я тебе покажу любовь. Я тебе покажу скалы. Ишь, негодница, решила меня осиротить! Да что ж я на том свете родителям твоим скажу? Не уберегла? – и долго ещё причитала, гоняясь по двору за изворачивающейся от ударов внучкой. А затем с той же хворостиной побежала в Валеркин двор.

– Ах, ты ж поганец, я тебе самое дорогое доверила, а ты её угробить надумал! – замахивалась и на него.

Вечером Майка, чувствуя себя виноватой, незаметно пробралась к Валерке во двор.

– Расскажи, что читаешь, – несмело пролепетала, не глядя ему в глаза.

– Некогда, Майка, сейчас читать. Я тебе хорошую книгу подарю, а когда вернусь из армии – ты мне расскажешь. Договорились?

Он положил руку ей на плечо, и Майя чуть не заплакала от счастья.

– Я тебя буду ждать, – она преданно посмотрела на него.

– Обязательно, – Валерка, смеясь, потрепал её по волосам, – вернусь, возможно и женюсь на тебе. Ты девчонка отчаянная, мне такие нравятся.

– Валер, – Майка сдвинула брови и, волнуясь, попросила, – давай ещё попробуем прыгнуть. Может, сумею? Хоть один разочек.

И они вновь стояли на высокой скале. Сверкающая лазурная вода под ними отражала всю яркость закатного неба, и лишь лёгкая рябь с кудряшками пены хмурила её поверхность.

– Не робей, – Валерка ловко нырнул и, улыбаясь, манил её руками из воды, – загадай желание и прыгай, и оно обязательно исполнится. Ты будешь самой счастливой, самой красивой! Майка, прыгай!

Но страх подкашивал ноги, и девочка отступила...

Стемнело. Они плавали в серебряных блёстках по дорожке от полной луны и чувствовали себя частичкой первозданной природы.

– Послушай, – тихо говорил Валерка, – слышишь, море поёт и рассказывает нам свои тайны. Оно загадочно покорное сегодня.

И они, слушая шёпот сонных волн, испытывали удивительное родство душ.

– Когда тебе будет плохо, найди эту звезду, – Валера показал на яркую Вегу в созвездии Лиры, – вспомни обо мне, и я обязательно приду тебе на помощь.

Майя кивнула. Не хотелось нарушать словами божественный покой природы и переполнявших её чувств. Она подумала, что Валерка для неё и сам как звезда в небе. Он зажёт тёплый свет любви в её душе, и казалось, что это навсегда, что теперь до самого конца он будет рядом. А как же могло быть иначе, если они мыслили и чувствовали одинаково, стали близкими, как брат и сестра? Настоящая, взрослая любовь, как искра, как удар током, ещё не созрела в ней, но он стал для неё самым родным, желанным, лучшим человеком на свете.

Поутру небо затянули грозовые тучи, море злилось, играя беспощадным штормом. Огромные высокие волны с мощной силой бились о скалы, словно пытались выразить весь свой гнев.

Валерка принёс Майе книгу «Бегущая по волнам».

– Это на память, читай. Приеду – расскажешь. Поняла, моя маленькая Дэзи? – и, улыбаясь, погрозил пальцем готовой разрыдаться девочке.

Валерку забирали во флот, на долгие три года. Его проводы она подсматривала тайком, глотая слёзы. Испуг пронзил её сердечко, когда какая-то одноклассница поцеловала его, обещая ждать, но он ответил, что его невеста – безбрежное Чёрное море, и не стоит ей тратить молодые годы на ожидание. Девушка, смутившись, убежала, а Майка обрадовалась и вообразила себе счастье на всю дальнейшую жизнь.

А зимой умерла бабушка, и девочку определили в детский дом.

Больше они никогда не встречались.

2

В детском доме Майка сникла, закрылась, как будто замёрзла. Все годы неласковой жизни в чужих стенах её спасала память о море, солнце и первой детской любви. Заветной тайной была спрятанная под подушкой книга, подаренная Валеркой на прощание. Своего загорелого, веснушчатого романтика моря она называла про себя Томасом Гарвеем, по имени героя любимой книги. А ещё взахлёб читала книги писателей-маринистов, если находила их в библиотеке: «Сколько бы ни смотреть на море – оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное. Оно меняется на глазах каждый час. То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг тёмно-индиговым, шерстяным, точно его гладят против ворса. То налетает буря, и оно грозно преображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки...» Майя в который раз перечитывала роман Валентина Катаева. Для неё море было, как и для Пети – свободой. Смелый и гордый Гаврик, с волевым характером и отчаянной доблестью, представлялся Валеркой и она, читая, переживала вместе с героями романа радость жизни и взросление в тяжёлые времена революций и войн. Задыхаясь в стенах казённого холодного дома, согревалась описанием родного моря, что несла каждая страница.

Зачитывалась рассказами Станюковича и вспоминала, как смешно Валерка пересказывал про Максимку: «Арапчонок занятный, вроде облизьяны, братцы». Не раз путешествовала по Тихому океану на фрегате «Паллада» вместе с персонажами Гончарова... И снились ей ночами море, чайки, высокие скалы и он, её Валерка – стройный, высокий, загорелый... А ещё бабушка, что каждое утро поднимала соседей громким ударом в рынду.

В начале Майка часто плакала, прячась ото всех, а потом смирилась, но душой так и не оттаяла. У неё появились друзья, но она никогда не ходила с ними купаться в мелкой грязной речушке. Майя не могла предать свою память о море.

После детского дома, получив профессию ткачихи, осталась работать на фабрике.

Стройная, черноволосая, немногословная Майя нравилась мужчинам, но никто из них не мог затмить в её душе романтический образ её Гарвея. Зачем согласилась выйти замуж за инженера Петра – не поняла и сама. Может потому, что внешне чем-то напомнил Валеру. Но только внешне, как оказалось, потом. Он был старше её, серьёзен, надёжен. Но Майе с ним было скучно. Муж был слишком правильным, практичным, и никогда бы не стал прыгать в воду с высокой скалы.

– Не вижу смысла рисковать, – пожал плечами в ответ на её вопрос и снова уткнулся в газету «Правда»...

– Покажи мне звезду Вега в созвездии Лиры, – однажды попросила его в ясную безоблачную ночь.

– Ты лучше под ноги смотри, – муж заботливо поддержал её за локоть...

– Ну, улыбнись, – пыталась дурачиться Майя.

– Чему и зачем? – строгий взгляд из-под очков. А в её памяти оживала тёплая улыбка на веснушчатом лице с выгоревшими ресницами. И те сладостные, незабываемые минуты, когда покоилась на руках Валерки, обнимая его исцарапанную шею. Сердцу становилось тесно в груди, и она, задыхаясь, умолкала, а память несла и несла её по волнам сладостных и мучительных воспоминаний.

Нет, она не застряла в фантазиях о прошлом, отвергнув, отказавшись, не приняв счастья в реальной жизни. Ей просто нечего было принимать. Строили дом, растили детей и никогда никуда не ездили. Только, бывало, в Москву за одеждой да колбасой. Заботы о детях, доме отодвинули мечты о море в самые дальние, неприкосновенные уголки души, но они иногда отзывались болью, и тогда она строила отпускные планы с поездкой на южный берег Крыма, но им никак не удавалось сбыться.

Она прожила обычную жизнь, без горя и трагедий, но и без особых радостей.

Незаметно подросли дети, но теперь стал болеть Пётр. Долго выхаживала его после инфаркта. Но не спасла и осталась одна с тремя дочками-невестами на руках. Тут стало совсем не до воспоминаний. Всех выдала замуж, всем помогла поднять детей. И сейчас жила со старшей дочерью в своём доме, что строили вместе с Петром.

Как же так случилось, что верные друзья детства не встретились в этой жизни?

Мы не знаем, как жил и что чувствовал Валера. Тот самый загорелый улыбчивый Валерка из детства, который называл её сестрёнкой и в шутку предложил стать его женой, а она ему поверила всем своим доверчивым детским сердцем.

Неизвестно, как сложилась его жизнь, и вспоминал ли он маленькую трусишку из своей далёкой юности. Но почему не разыскивала его сама Майя? Ведь была же почта, были справочные. Может быть, считала, что именно мужчина должен первым искать свою любимую. А если не ищет, значит, забыл, значит, не надо ему... А может, её саму жизнь так закрутила, что не было никакой возможности. А может, ещё что-то. Кто же теперь ответит?

3

Внешне жизнь Майи оставалась полноценной и насыщенной событиями, но всё чаще ей хотелось остаться в тишине и одиночестве. Неизбежно и закономерно навалилась усталость. Иссякли силы для земных дел, исчерпали себя иллюзии, надежды. Нестрашной, ни жестокой и ни противоречащей её сердечности и отзывчивости казалась появившаяся с годами привычка спокойно расставаться с уходящими из жизни друзьями, соседями. Она научилась жить в постоянном присутствии болезни и смерти, умом понимая, что впереди уже осталось совсем чуть-чуть. Всё живое и суетное теряло свой смысл. Поддерживали молитвы и вера.

А ещё в душе жили воспоминания, которые ближе к старости становились всё более навязчивыми. Её всё больше радовал сон, ведь в каждом сне она видела море. Лунную дорожку на воде, уходящую к далёким звёздам, Валерку и себя в цветном купальнике, который сшила ей бабушка из нового ситца, что хранила себе на платье. Она чувствовала на своих волосах её тёплые руки, заплетающие косы, и видела хитрую улыбку, с которой бабушка ударяла в корабельный колокол рано утром. Мир детства жил в её душе и согревал тёплой памятью старое изношенное тело.

Но были и тайные мысли, из-за которых Майя смиренно принимала жизненные скорби. Всё чаще вспоминала она их последнюю встречу у моря и его незабвенные слова: «Загадай желание и прыгай, Майка, и оно обязательно исполнится. Ты будешь самой счастливой, самой красивой. Прыгай, Майка, прыгай!» И сладкая боль поднималась из глубины её страдающей души, и она снова и снова корила себя за свой детский страх и малодушие. Поэтому и не стала

она той самой романтической Дэзи для своего любимого веснушчатого Томаса Гарвея. Поэтому и уплыло в голубую даль её несбывшееся женское счастье...

Рука привычно потянулась к полке и сняла подаренную Валеркой и состарившуюся вместе с ней книгу. Александр Грин, «Бегущая по волнам». Надела очки и стала перечитывать любимые места.

Дочка заглянула в комнату, сокрушённо покачала головой.

– Опять Грина читает, – тихо сказал мужу и вздохнула, – что её там так увлекает?

– Так ты сама говорила, что она выросла на море, – отозвался он.

– Когда это было...

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днём, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся?» – читала Майя, и дремавшее прошлое просыпалось, окутывало её ласковым, мягко обволакивающим покрывалом. А она, покачиваясь на облаках воспоминаний, с тихой радостью и теплом перебирала в памяти картины своего счастливого приморского детства. Того самого, что оборвалось в горький момент, когда её увезли в детский дом. И вся последующая жизнь Майи была освещена той потаённой любовью, что, загоревшись маленькой искоркой в детстве, не погасла от разлуки, а всё сильнее и безнадежнее разгоралась в её душе так и не сбывшимся счастьем.

Однажды Майя, ощутив резкий толчок в сердце, вдруг ясно осознала, что Валерки в этой жизни больше нет, а значит, пришла и её пора...

Она вновь погрузилась в воспоминания и не заметила, как растворилась во сне. Дочь заботливо укрыла одеялом спящую мать, поцеловала, перекрестила, аккуратно закрыла книгу и убрала на полку.

Юная, стройная Майка снова стояла на высокой скале над морем, а свежий, солёный ветер обдувал её загорелое, согретое жаркими лучами тело. Море, тронутое движением лёгкой ряби, сверкало под южным солнцем, манило и успокаивало безмятежностью и величием. Майя доверчиво рассказывала ему о своей жизни, а оно отвечало ей знакомым с детства утешающим шумом. Она взглянула вниз и увидела в набегающих волнах Валерку. Опалённый солнцем, с выгоревшим чубом, юный, стройный, со своей лучезарной улыбкой, он весело махал ей снизу: «Ну, Майка, прыгай, не бойся. Загадай желание...»

И она ответила ему смелым, залихватским смехом, вытянулась в струнку, привстала на носочки и, закрыв глаза, полетела в свободном волшебном полёте. Вода встретила её лёгким толчком и обняла прохладой упоительного блаженства... Она смогла, преодолела и поверила, что теперь будет счастлива...

Утром дочь, заглянув в комнату матери, в горе застыла на пороге: «Отмучилась...»

Восковое лицо, покинувшей этот мир Майи, светилось удивительно умиротворённой и счастливой улыбкой, которую она никогда не видела у неё при жизни.

Память сердца

Скорый поезд, ритмично постукивая колёсами, нёс меня мимо милых сердцу мест. Я стояла у окна, стараясь дышать глубоко, чтобы успокоить сердце, которое при виде покидаемых родных пейзажей, норовило остановиться или вырваться из плена, чтобы вернуться в пролетающие в сумеречном свете посёлки, просеки, деревни. Чтобы вернуться в те счастливые воспоминания, которые жили в душе и были добрыми советчиками, ориентирами и опорой в любой жизненной ситуации. Были моей лестницей и верным ангелом-хранителем.

За окном промелькнула старая железная дорога в окружении высоких тополей. Она вела на элеватор в обезлюдевшем посёлке, с заброшенным яблоневым садом, когда-то родным и цветущим, а теперь вот с высохшими кривыми деревьями...

Я вернулась в купе, легла и отвернулась к стене. Память сердца вернула меня в прошлое, и я не видела – я ощутила себя босоногой девчонкой в простом ситцевом сарафане, весело прыгающей по шпалам железной дороги. Ноги испачканы смолой, креозотом и поволоки высохшей травой. Припекает солнце, громко стрекочут цикады и прыгают кузнечики.

Вспомнилась семья: мама, вечно пропадаящая на работе, с несчастливой женской долей, бабушка, на неиссякаемой энергии которой держался наш дом, и дед – Егор Кузьмич.

* * *

Дом наш стоял на самой окраине, близ глубокого оврага и леса за ним. За окном бушевала июльская гроза и было уже темно, когда в дверь внезапно постучали. На пороге стоял промокший под дождём пожилой человек в военной плащ-палатке, с посохом в руке и вещмешком за плечами. Наш Дружок – добродушная преданная дворняга – радостно вилял хвостом и подпрыгивал, стараясь лизнуть гостя в лицо. Обычно о появлении чужого около нашей ограды он оповещал грозным и громким лаем, а тут вдруг ластился к незнакомому человеку. Подивились мы, гостя в дом пригласили.

Оказалось, что ищет он свою внучку, которую отвезла и бросила на какой-то станции его непутёвая пьяница-дочь. Вначале он мне страшным показался: глаза глубокие, цепкие, под мохнатыми грозными бровями и большая окладистая борода. Разговаривал странно – всё больше «окал» и в каждом вопросительном предложении слово «чай» говорил.

Бабушка сказала, что из далёких он мест – Нижегородских.

– Эко, судьба странника занесла, – вздыхала она.

Звали старика Егор Кузьмич. Мы, затаив дыхание, слушали рассказ про чужую беду, и сразу вспомнили брошенную в начале лета на станции девочку, сбитую ночью скорым поездом. Разговоров было! Разве такое забудешь? Но как о таком горе сказать несчастному, уставшему путнику, который через всю страну, почитай, проехал? Может, та девочка и не его внучка вовсе.

Уложили старика в сени, да проворочались почти без сна всю ночь.

Бабушка всё вздыхала да причитала: «Вот горе-то горькое, как человеку сказать?»

С утра побежала в участок поговорить о погибшей девочке с бывшим своим учеником, а теперь участковым нашего посёлка.

А потом и деда в участок пригласили, затем в район, в отделение милиции отвезли и, выяснив, что погибла именно его внучка, Егор Кузьмич с каменным лицом вернулся к нам проститься и вдруг слёг с инфарктом. Не выдержало сердце старика. И взяли мы заботу об одиноком больном человеке на себя.

Так и остался он жить с нами до конца своих дней. Совсем скоро я почувствовала его добрую душу, большое сердце и ластилась к старику, как Дружок на пороге в первый вечер.

Его появление окрасило мою жизнь новыми яркими красками, незабываемыми впечатлениями и знаниями. Деда своего я не застала живым, отца у меня не было. Жили мы в покосившемся старом доме, и отсутствие в нём хозяина выглядело из каждого угла.

Старик прижился у нас, я стала звать его дедом, а мама и бабушка – Кузьмичом.

К зиме Егор Кузьмич поправился. Руки его, привыкшие к труду, сами находили дело днём, а вечером, когда все собирались в доме, он уходил в отведённый ему угол за занавеской и читал толстую книгу, привезённую с собой в рюкзаке.

Книга была старинная, нестандартного формата, имела кожаный переплёт и золотое тиснение.

Уже через год трудно было вспомнить время, когда не было в нашей жизни этого удивительного человека. Летом наша усадьба выглядела обновлённой и добротной. Новый сарай, ровный забор, укреплённый фундамент дома и резные ставни радовали нас.

– Тебя, Кузьмич, нам сам Господь прислал, – бабушка радовалась и не знала, как угодить старику, который стал в доме настоящим хозяином.

– А кто же ещё? Он, родимый, – и благоговейно крестился.

– Деда, а ты в Бога веришь? – я с гордостью носила красный пионерский галстук, и вера в Бога казалась мне пережитком какого-то древнейшего, чуть ли не первобытного, прошлого.

– Конечно, верю, а ты, что ж, егоза, без веры жить собираешься? Я на войне только верой и спасался.

Чудны мне были его разговоры, но любопытство заставляло задавать новые вопросы и слушать удивительные, неожиданные ответы. Мне с ним говорить было крайне интересно.

Вечерами я заглядывала за занавеску к Кузьмичу и слушала его мерное спокойное бормотание текстов из Библии и молитв на сон грядущим. Понимать – не понимала, но его тихий голос и мягкие речевые обороты успокаивали и наполняли меня какой-то неизведанной доселе благодатью. После них я всегда легко засыпала и крепче спала. Со сном у меня были проблемы с самого рождения – из-за боли в ногах. Только начинала засыпать, как мои ноги, будто отдельно от меня, начинало выкручивать, и я не знала, куда и как их уложить, чтобы они спокойно уснули вместе со мной.

– Ненавижу свои ноги, – жаловалась деду.

А он неодобрительно качал головой и говорил, что ненависть – плохое чувство.

– Ненавидеть легче, любить труднее. Но жить в любви легче, нежели в ненависти. Ты полюби свои ноги и проси батюшку Серафима, чтоб облегчил твою боль.

И читал для меня молитву, но я помнила только первую строчку: «О, пречудный отче Серафиме!»

– Ты запомни, внученька, жить надо с любовью ко всем людям и ко всему, что вокруг. И за всё Господа благодарить.

– И фашистов надо любить, и поезд, который задавил твою внучку? – не понимала и пыталась подловить старика трудными вопросами.

Он ласково смотрел на меня, гладил по голове:

– Возлюби ближнего, как самого себя. Человек слаб и грешен, и Господь ему судья.

Так, в трудах и разговорах, пролетели лето, осень. Зима была поздней и сырой. Подморозивать начало только ближе к новому году. Долгими зимними вечерами дед рассказывал мне о святых, преподобных, старцах и старицах. Рассказывал интересно, как сказки, и совсем не призывал меня молиться, верить. Для самого же вера была естественной, как дыхание.

Наступили зимние каникулы. Крепчали морозы, и я каждый день бегала проверять, как замёрзла река, чтобы наконец-то надеть коньки и лететь по ровному льду навстречу зимнему солнцу, наслаждаясь движением и скоростью.

Солнце клонилось к закату, подморозило крепко. Я, неразумная девочка, осторожно наступая на лёд, шла от берега к середине реки маленькими шажками. Внезапно лёд захру-

стел, под ногами почувствовалась пустота, и я вмиг оказалась по грудь в воде. Тяжёлое ледяное течение пыталось затянуть меня под лёд, а намочшая грузная одежда тащила ко дну.

Животный страх сковал меня, и я, пытаясь звать на помощь, не услышала свой голос. Слышала только тяжёлые удары сердца. Да и кому было кричать вдаль от посёлка и дорог на закате зимнего дня? Но я продолжала слабым, каким-то хриплым голосом кликать о помощи. Ног и тела уже не чувствовала, они неподъёмной ношей затягивали меня под лёд, но, в панике продолжая бить руками по льду, сумела повернуться лицом к берегу. Оказалось, что отошла я от него совсем недалеко и лёд впереди меня был очень хрупкий.

«Ручей, впадающий в реку», – едва успела подумать, как мороз, сковавший моё тело, стал лишать меня сознания.

Перед глазами встали образы мамы, бабушки. Чётко увидела деда, и промелькнули мыслью его слова: «Ты делай, а надейся на Бога, верь, и тогда любое дело спорится. Проси – и будет тебе». Я, как истинная пионерка, спорила с дедом и доказывала, что надеяться человек должен только на себя. Наш спор, как поняла в дальнейшем, был вечным, и сейчас, вспомнив о спасении, стала с неистовым отчаянием бить по хрупкому льду и молиться всем, о ком рассказывал мне сказками Кузьмич. Молитв не зная, я повторяла запомнившиеся обрывки фраз и искренне верила в помощь и своё спасение. Я уже не просила слабым голосом о помощи, а громко кричала из глубины испуганного сердца: «Господи, помоги!» И верила, что меня слышат, что мне помогут, что меня спасут. Верила!

Вспоминала Богородицу, святых Серафима и Николая. Я с молитвой крошила лёд перед собой, и незаметно выбралась на грязный берег, где из-под земли пробивался ручей и впадал в реку. Выбравшись, упала в изнеможении, одежда на мне сразу стала замерзать. По телу разлилось приятное тепло, а вкрадчивый успокаивающий сон убаюкивал и лишал способности думать. Остатками сознания услышала лай собаки и почувствовала, как тёплый влажный язык облизывает лицо.

Пришла в себя, как рассказывали, только на вторые сутки в огне высокой температуры от распирающей боли в груди и кашля: тяжёлого, болезненного, изнуряющего.

Открыв глаза, первым увидела деда.

– Очнулась, родимая, – он ласково погладил меня по голове, подержал руку на лбу и протянул чашку тёплого отвара, пахнувшего хвоей.

– Деда, а кто меня спас?

– Так Он и спас, – старик поднял палец вверх. – Как темнеть начало, вдруг икона в моей комнате упала, да упала не на постель, а странным образом на пол отлетела. Громко так, Николай Угодничек мне беду известил, а я, нерадивый, сразу-то и не понял. Вышел в сени за гвоздиком, слышу: Дружок воеет и изо всех сил в дверь скребётся. Ну, чую, беда пришла. Побежали мы: Дружок впереди, я – за ним. Так тебя, горемычную, и нашли.

И я вновь впадала в беспамятство и сквозь помутившееся сознание слышала просьбы деда к Богородице не забирать найденную внучку, спасти меня и сохранить. И чудилась мне видением: в белых одеждах с тонким продолговатым лицом и смиренным взглядом молодая красивая женщина. Смотрела ласково и грустно, творила надо мной крестное знамение тонкими длинными перстами и растворялась. Было ли то видение от воспалённого высокой температурой мозга, или... – не могу сказать, но увидела чётко, и хорошо помню до сих пор.

День за днём дед поил меня настоями и отварами трав, оборачивал мокрыми простынями, натирал грудь и ноги мазями и не отходил от меня ни днём, ни ночью. Я постоянно слышала его молитвы, просьбы и даже стенания, когда мне становилось хуже.

А весной, окрепшая, я вновь носилась по лужам с подружками и совсем забыла треск льда под ногами. Но крестик, который надел на меня Кузьмич, я ношу до сих пор. И твёрдо знаю, что вера помогает нам на всём нашем жизненном пути, спасает нас и хранит.

Егор Кузьмич недолго пожил с нами. Умирая, слабо улыбался и, грозя мне пальчиком, говорил, чтобы не плакала. Но я редела громко и долго. Моя душа была не готова к расставанию. Взяв в руки завещанную мне старинную Библию, нашла в ней записку, в которой он просил моих молитв о нём и благодарил всех нас за кров и семью, что мы подарили ему на закате дней. И я молилась, и тем успокаивалась. Давно нет Егора Кузьмича, бабушки, мамы. Все они мирно покоятся на кладбище заброшенного посёлка, мимо которого мы проехали.

Память сердца хранит воспоминания о дорогих мне людях. И мучает по сей день совесть, что проехала тогда мимо них и не пришла поклониться и помянуть. Стоя у окна, я вытирала платочком слёзы, хлюпала носом, а перед глазами видела деда, грозившего пальцем и просившего не плакать.

Дунька-дурочка

– Не умирай, дед, – по-щеньячьи скулила Дуняша, – не умирай...

– Не бойся, не помру, воды принеси, да холодной, горит всё внутри.

– Сейчас, сейчас, – вскочила и резво застучала толстой деревянной подошвой башмачка, глубоко приседая на изуродованную ногу.

– Только студёной налей, сил больше придаст, – прохрипел вослед внучке дед и тяжело вздохнул, – нельзя мне помирать – на кого же я тебя, дурочку, оставляю.

– А вовсе и не дурочка я, – обиделась Дуняша, протягивая полный ковш воды.

Дед отвёл рукой: «Святой водицы добавь. Огнём в груди всё пылает, помру, видать, скоро».

Дуняша, мелкая да ловкая, что подросток, быстро юркнула в тёмную комнатку за образа и аккуратно достала бутылочку крещенской воды. Чуть капнула в ковш, и помолившись про себя, перекрестила.

– Не помирай, деда, – заплакала вновь Дуня, прикрывая небольшой иконостас вышитыми картинками. Времена беспокойные, вера в Бога не одобрялась, вот и прятали иконы, кто как мог.

– Не помру, дурочка, отлежусь малёк и встану.

– Да не дурочка я, – рассердилась, – в работе равных мне нет, сам говоришь. Зачем за всеми глупости повторяешь?

– Твоя правда. Только вот замуж-то за это не берут. Была б нога нормальная, да глаз глядел прямо, может и нашёлся бы тебе какой-никакой мужичок, а так, – махнул рукой, – не думал я, что так рано род мой закончится, даже в страшном сне представить этого не мог...

Откинулся, усталый, на подушку, и подумал: «А Дунька – может и не дурочка, но всё равно странная – разве будет нормальный человек всё время улыбаться?»

Старик – красивый, породистый, могучий, словно дуб вековой. Борода окладистая серебристая, густая шапка волос, также подёрнутых инеем седины. Дуняша взяла в руки пяльцы, думая, что дед уснул. А он – может, и спал, а может, и бредил, вспоминая жизнь свою, что мелькала фрагментами в воспалённых болезнью мозгах и душе. Да волновалось сердце, плача от горьких невозвратимых потерь.

Род Игната Савельева знатным был, крепким. Честь пуще жизни берегли. Без устали работать умели, водкой, табаком не баловались, на чужих жён не засматривались, но своих выбирали долго и придирчиво. Каждая была рада попасть в эту семью, ведь мужчины в ней надёжны, красивы и сильны, что богатыри былинные, и из поколения в поколение укреплялся, расцветая, именитый на всю округу род, здоровым потомством. «Ну да всё имеет своё начало и конец», – подвёл итоги дед и, выздоравливая, крепко заснул.

К началу войны у Игната было два сына: Павел и Пётр, да любимица дочка – веселушка и хохотушка Настенька. Старший, закончив десятилетку, ожидая призыва в армию, в колхозе работал. Младший в десятый класс перешёл, когда содрогнулась и захлебнулась слезами да кровью земля родная. От ужаса душа каменела, сердце останавливалось, но народ силой мощной поднялся на борьбу с врагом – никогда не будут жить наши люди в неволе. Игната и Павла с первого дня войны на фронт забрали, а Петька – пострел – сам сбежал. Савельевы все ростом высоки, плечами широки, телом могучи – вот обманом и пошёл с шестнадцати лет фрицев бить. Да только недолго воевать сыновьям пришлось: в первый год войны сложили они головушки свои на полях сражений, а вот Игната до конца 1944 года ни одна пуля не догнала, ни один штык не достал, хоть и не кланялся он им. А за полгода до победы списали его подчистую по осколочному ранению.

Плакал, вернувшись, с Фросей своей надрывно за сынов погибших, что и пожить не успели, девок не полюбили... Петька-то ещё и усов не брил... Плакал горько, причитая, что

лучше б его убили, волосы рвал на себе от горя, но... смиряется человек с любыми потерями, особенно в час всеобщей беды, всеобщего лихолетья. Не забывает – нет, смиряется.

Верно говорят, что сердце не камень – сердце, понятное дело, крепче любого камня, иначе как может оно, не разорвавшись, преодолеть столь непереносимые скорби и дать человеку силы жить дальше.

Поседели Фросины косы, покрылось горестными морщинками ещё не старое красивое лицо. Гладил Игнат жену по волосам, прижимал к груди: «Ничего, милая, мы с тобой ещё сынов нарожаем». Но не получилось больше. Радость и счастье, что дочка осталась.

После войны избу новую поставили. Игнат председательствовал в колхозе, Фрося бригадиром на ферме трудилась. Настенька, забалованная, в любви и ласке, красавицей выросла. Сразу после школы замуж собралась. «Да и хорошо, – подумали родители, – внуков успеем помочь поднять».

Свадьбу сыграли богатую, весёлую. Хороша невеста была, и жених ей под стать!

– Добрые детки должны получиться, – радовались все.

Через месяц поняла Настенька, что беременная. Радостная прибежала в поле к любимому: «Ребёночек у нас будет!»

Обнял что есть мочи, поднял на руки, закружил в радости, посадил, целуя, в траву, и побежал в поле за ромашками...

Громким страшным взрывом содрогнулась земля – ничего не поняла и не помнила после Настя, кроме оторванных рук любимого, что отбросило в сторону взрывной волной... Фашистская мина долго ждала своего часа. Сколько людей по ней прошло-проехало, а вот сработала именно сегодня.

Не пережила бедняжка горя – тронулась умом. Сидела у окна, покачиваясь из стороны в сторону и зажимая уши руками, всё в одну точку глядела. Каким только докторам не показывали, к знахаркам водили – ничего не помогало. «Ну, может, родив, отпустит боль», – разводили руками все. Не отпустило. Девочка родилась недоношенной и уродливой. Ножки искривлённые, одна другой короче, и ступня недоразвитая. Лобастая, лопоухая, голова словно в плечи вросшая, и глаз один смотрит в сторону. Глянула Настя, равнодушно головой покачала: «Страшная-то какая, фу». И всё. Грешным делом, все думали, что не выживет младенец, а не нет. Быстро окрепла малышка, хорошо вес набрала.

– Может, оставите? – предложили в роддоме. – Неизвестно ещё что с мозгами. Станет на всю жизнь обузой, мало вам дочери...

Бросил Игнат гневный осуждающий взгляд на доктора: «Савельевы детей и стариков не бросают». Новорожденную назвали Евдокией – Дуняшей по-простому.

Настя долго не прожила – тихо так и померла, сидя у окна. Вослед за ней и Фрося во сне ушла, и остался дед с внучкой один. Девочка с добрым весёлым покладистым нравом росла, да и с мозгами всё было в порядке. Ну, если только самую малость – немного чудаковатой казалась Дуняша.

В городе ей на короткую ногу специальные ботиночки заказывали. Быстро и ловко, смешно приседая и переваливаясь, словно уточка, она в них бегала, и никогда не запутывалась в длинной до пола юбке. «Колченогая Дунька», – дразнили её, а она не обижалась. В профиль глянешь – вроде и ничего, а в анфас – невольно рассмеёшься – один глаз в сторону смотрит и она, чтобы лучше видеть быстро и часто, как это делает курица, поворачивала головой. «Курица, курица, хромая курица», – дразнили её, а она не обижалась.

Улыбнётся, головой покивает и дальше своими делами занимается – вроде и не про неё говорят.

Ни минутки без работы не сидела. Ноги кривые и больные, зато руки золотые! Вышивки её на всю область славились. Костюмы народные из города привозили для оформления. Пироги печь приходили соседки учиться, а уж за куличами на Пасху и вовсе в очередь записывались.

Хоть и была Дуня инвалидом с детства, а всё равно пошла на ферму работать, и здесь лучшей оказалась.

Игнат поправился, но чувствовал, что силы покидают. «Сколько ещё отмеряно? – думал, сокрушаясь. – С кем внушка останется? С кем век свой несчастливый доживать будет? А помрёт и всё – никто на могилку не придёт помянуть, поплакать. Да и хоронить, кто будет „дурочку его“? Не должно быть так, чтобы сразу всех под корень! Ни внуков, ни правнуков... Не должно».

Плакала душа его неприкаянная, только и находил он покой у Фросиной могилы. Хмурился в обиде на изломанную судьбу свою, часто спрашивал у Бога: «За что, ты так с нами? За что?»

Дуняша видела кручину его. За весёлым смехом скрывала девушка боль свою сердечную. Ей ли не хотелось счастья? Ей ли не мечталось кадрили в клубе отплясывать? С парнями целоваться, детей рожать... Зеркала из дома выбросила – сама на себя смотреть без содрогания не могла. Считают все её уродиной и дурочкой, да пусть так и будет. Смиряться и принимая это, казалось, легче будет выжить. Невозможно прихорошить её некрасивость, и чувствовала себя виноватой перед дедом. Он, не думая, горюет, а она винится.

После высказанной печали старика по детям, не родившимся внукам-правнукам, Дуня сильно загрустила. Часто стала на ребятишек засматриваться, и щемящая тоска по материнству, что самим Творцом в женщине заложена, невыносимой болью сердце окрутила. Так душу взбаламутила, что потеряла она покой. Ворочалась бессонными ночами, украдкой слёзы вытирая, и всё представляла, как, утешив деда, младенчика к груди приложит.

Долго думала, маясь, Дуняша и придумала...

– Будут у тебя правнуки, дед, будут, – резко оборвала как-то стенания Игната. – Ты только не мешай мне. И прошу, не верь никому и ничему, что услышишь, и мне ничего не высказывай. Понял?

Жёстко так сказала, уверенно, что оторопел Игнат: «Ты чего задумала, девка?»

– А ничего дурного, дед.

– Смотри у меня, – пригрозил испугавшись. Особенно тогда, когда обстригла внушка свои длинные косы и прикрыла лопухость кудряшками, когда юбки себе нашила новые, блузки, платочки прикупила. А ещё мыло душистое, духи с запахом ландыша и пудру «Кармен» в красной коробочке. Жалостливо смотрел, думая, что совсем его Дуняша-дурочка свихнулась, а она своё замыслила.

Задумала она родить. Пусть кривая, косоглазая, колченогая, но со здоровьем-то женским у неё всё в порядке. Почему бы и не попробовать? Кто её осудит? Она и так всеми судимая – как только не называли в своё время Дуняшу: «блаженная», «юродивая», «уродка», и всегда: «Дунька-дурочка». Правда, в последнее время, когда она выбилась в передовики – лучшей дояркой в колхозе стала, больше не обзывали никак, но за глаза всё равно злословили и считали странной. «А разве будет нормальный человек постоянно лыбиться, уродившись такой страшенькой?» – рассуждали, а Дуняша успокаивала себя, думая, что лучше быть умнее, чем о тебе думают, нежели оказаться умному глупцом.

Да вот только кто с ней на это пойдёт? Кто согласится встретиться, когда на одного парня больше десяти девок, и все одна другой краше? Но у неё свой план был. Из всех мужчин в колхозе отобрала самых здоровых, а главное – не пьяниц и не дебоширов, и стала... нет – не себя предлагать, а просить, чтобы ей помогли.

Первым был агроном. Подошла, о том, о сём разговор завела, и вдруг выдала: «Николай, ребёнка хочу, помоги мне».

Замахал руками, глаза вытаращив: «Умом тронулась?»

Бежать собрался, а она, хромя, за ним.

– Нет, не тронулась. Не гони меня, выслушай! Ни одна душа не узнает. Ну что ты теряешь? Только дело доброе сделаешь, – лукаво улыбнулась, опустив глаза, – напротив, поймёшь, кто виноват, что у вас с Лизкой детей нет. Ты-то мужик хороший – сыночка от тебя рожу. Всё будешь знать, что ни зря прожил. Не смотри, что я кривая, да косая – род у меня крепкий, здоровый. Мне от тебя больше ничего не надо. Деньгами могу подсобить – у меня много накоплено. Ты в город по делам поедешь, а я за ботиночками – там и встретимся. Тётка старая у меня в районе живёт, глухая, и слепая уже. Не спеши отмахиваться, подумай. Не ты мне нужен – сама дитя хочу, сил нет, и дед счастлив будет.

Покрутил пальцем у виска Николай, а разговор не забыл. Жена его упрекает, что детей у них нет, всё вспоминает его голодное детство в оккупации, а сама хоть и красива, но уж слишком изнеженная да болезненная. Дуня-то может и знает что-то, ежели так сказала.

Ай, Дуня-Дуня, посеяла сомнения в душе агронома.

К трактористу Юрке подошла – тому сразу деньги посулила. У него жена через год рожает. Они едва концы с концами сводят, а недавно он, по глупости, новый трактор утопил в болоте. Даже судить собирались, но трактор с горем пополам вытащили, а вот ремонт на Юрку возложили и надолго его всех премий лишили.

Не пропустила и красавчика Пашку-механизатора. Мечтал он мотоцикл купить. Тоже деньгами заманивала.

Головку опустит, глазки прикроет – реснички длинные, носик ровненький, щёчки розовые – и не страшна вроде.

Да, почитай, всех нормальных мужиков обошла и всем деньги посулила. Бедно жил народ в то время, а Дуня зарабатывала неплохо и складывала в кубышечку – а куда ей тратить было?

Кто-то, возможно, и подумал, что с него не убудет, а он и девку ублажит, и деньги на этом заработает. А что кривая, так в постели все равны. Опасней было, чтобы после на отцовство не претендовала, но почему-то ей поверили, что не станет она этого делать – слишком убедительна была. И все знали, что честна она, как и весь их род.

Вскоре слухи поползли, что Дунька вовсе совесть потеряла – к местным мужикам пристаёт. Подивились, головой покачивая, но что с неё взять – с дурочки-то? Кто пожалел, а кто и плохими словами обозвал. А она молчит и, как всегда, улыбается...

Только ночами порой умереть хочет от стыда и доли своей несчастной.

Дед, как услышал, в избу ворвался, за ремень схватился: «Убью, распутница! Ты что, убогая, творишь?»

Дуня перехватила руку его, глянула, что молнии метнула взглядом, брови грозно сдвинув: «Ты, дед, не забывайся – не дитя я тебе малое. Все мозги ты мне проел, что род твой закончился, а дети с неба не падают и автолавка их не привозит! Делают детей – сам знаешь... как. Это я не знаю».

И расплакалась вдруг горько, громко. Может, впервые в жизни слезами горючими горе своё безутешное выплакивала, судьбу кляня обездоленную: «Да лучше б умерла я при рождении, чем всю жизнь не замечать, как отворачиваются от тебя, как смеются вослед, детей тобой пугают... Ни мамки, на папки не знать... Улыбаться, когда на улицу страшно выйти... Когда дед родной имя моё забыл, всё дурочкой кличет. Эх, убогой назвал, распутницей обозвал... Да чего мне это стоит – кабы ты знал!»

Не плакала Дуня – выла, распластавшись на полу. Испугался Игнат, растерялся. И не думал он, и не чувствовал, какое горе прятала в душе своей его всегда улыбочивая жизнерадостная внучка.

– Не догадываются люди, что смех мой слезам ровня! Уж лучше и впрямь была б я дурочкой, чтобы не знать, как страшна, не задумываться, за что... Да, чем горше мне, тем больше улыбаюсь. У каждого своя беда, но только кому щи постны, а кому жемчуг мелок. «И это ничего, что тебе ножку отняли, зато знаешь, как мой пальчик болит» – люди – они такие.

Пока их настоящее горе не коснётся – не способны они понять другого. Да и не прошу я жалости – не смейтесь только, не злословьте. На работу брать не хотели – коровы говорили, испугаются... Ой!

Всхлипнула Дуня, замолчав, села на пол, как ребёнок, вытянув маленькие ножки вперёд, здоровым глазом из-под опухших век глянула, повернув голову вбок. Как курица...

– Ну, будет, будет, – растерялся дед, слёзы украдкой смахивает. Совсем он в своей старости перестал замечать внучку и не знал сейчас, что сказать, что думать и что делать. «Одна кровиночка из всего рода осталась, а я её ремнём хотел, дурак старый. Сиротку».

Опустился рядом, обнял: «Дуня, грех это, понимаешь? Грех, чтобы с чужими мужьями... грех».

– Понимаю, но... не мешай мне, дед, не добивай словами жестокими и правдой страшной – самой тошно! Не мужчины мне нужны, дитя я хочу, а по-другому у меня не получится. Цыплят по осени считают... поговорят и забудут, а я – с цыпятами. И пусть после кидают в меня камнями, те, кто без греха. Для меня этот грех может спасением явиться, а праведность ваша, что удавка на шее, изгородь колючая. Да и что так все разволновались – за своё сама ответ держать буду, а победителей, дед, не судят.

Встала Дуня, юбку одёрнула, вымучено улыбнувшись: «Пошли ужинать».

Засуетилась, быстрая и ловкая, вроде и не она только что в рыданиях билась.

«Ну и характер! Наша порода – савельевская! – подивился Игнат про себя. – Эх, Фрося, зачем же ты так рано ушла, оставила меня и мать, и отцом, и дедом, и бабкой больному ребёнку, а я, выходит, и не справился... А если не победителем?» – хотел вслух спросить, да побоялся.

А к осени у Дуньки живот стал расти. Поутихли, удивляясь, сельчане, головой осуждающе покачивают: «Бессовестная!» Плечами пожимают: «Куда ей, убогой, недоразвитой рожать?»

Затаились, пряча взгляды, мужики – ведь кто-то всё-таки купился!

Пашка мотоцикл вдруг пригнал, Юрка трактор отремонтировал, и деткам новые шубки справил... Правда, сказывали, что родственники сбросились, пожалев многодетное семейство.

Помалкивают все – с опаской на Дуньку поглядывают, а она сияет от счастья и словно никого не видит, ну чисто блаженная. «Вот тебе и дурочка, – перешёптывались, возбуждённые тайной, соседи, – а мужики-то наши! А может, и не наши – она в город часто мотается... Да, дела...»

Трудно верилось, что такое могло случиться, но Дуня действительно была беременной.

Но нашлись и те, кто обижал её, бросаясь вслед словами нехорошими. А Дуняша, как всегда, улыбнётся, гордо голову вскинет, тряхнув кудряшками, и несёт свой огромный живот, подвязанный полотенцем, неуклюже переваливаясь на кривеньких ножках, глубоко приседая на короткую. Как уточка...

Врачи в один голос убеждали не рожать. Таз, говорили, узкий и искривлённый, если и выносит, то уж не разродится точно.

– Может, не надо? – переживал Игнат. – Помрёшь раньше времени.

– Да не бывает раньше или позже, – у каждого, дед, свой срок есть. Только Господь знает откуда и куда мы идём, и где путь свой закончим. Сила во мне вместе с ребёнком растёт небывалая. Нутром чую, что всё правильно делаю, и не просто верю, а знаю, что всё хорошо будет.

– Ох, настырная! Сейчас уж как сильно мучаешься, а дальше что будет? – вздыхал, беспокорясь. – Не всякая здоровая баба справляется – куда уж тебе? Но как ни крути – всё грех, всё грех!

– Что надо, то и будет. Не даётся человеку больше, чем он может вынести. Жить надо, не боясь – тебе ли не знать? Не телесные, дед, немощи делают нас слабыми, в моём уродстве, напротив, сила моя. Душу съедают и жить не дают нам мысли и дела греховные.

– Вот именно – греховные! Дитя зачала без мужа неведомо от кого. Уж как можно боле нагрешить?

– Не ради утехи грешила – человека родить хочу, чтобы род наш продлился на земле, а ещё матерью стать мечтаю – не для того ли женщиной уродилась? Я много думала: для чего живу, зачем Господь мне такой уродливой жизнь сохранил? Значит, был у него какой-то замысел. А потом вдруг поняла свой главный долг в этой жизни и поэтому, дед, не переживай: сейчас я выдержу любые испытания и ничего со мною не случится. Люди осуждающе в меня пальцем тычут, а я такой счастливой никогда не была.

Удивлялся Игнат, слушая и – старый – не знал, что ответить... Всегда внучку глупенькой и слабенькой считал, а на поверку оказалась в ней силища могучая.

– Ох, но всё едино грех, – причитал постоянно, – как ни крути, грех!

После нового года родила Дуняша сына. Несколько суток, сжав зубы, крепилась и тужилась так, что сосуды на лице полопались, но не кричала – молча терпела муки адские. Врачи измучались, а Дуня, в кровь искусаив губы, их ещё подбадривала, но расплакалась, стыдливо прикрывая потной ладонью глаза, как услышала крик ребёнка.

– Мальчик, да чудесный какой! – радовались уставшие акушеры. – Ай да Дуня, ай да молодчина!

Это ничего, что роженица была неказиста и мала – болезнь матери девочку такой сделала, а гены предков она в себе хорошие несла. Мальчик больше трёх килограмм родился. Крепенький, ладненький, словно с открытки срисованный, а главное – здоровенький. Назвали Петром.

Гордо протянула деду правнука-младенчика при выписке: «Вот, дед, продолжение рода нашего – Пётр Игнатович Савельев».

Взял он на руки его, с трудом уняв дрожь. Слезы радости смахивает да всё приговаривает: «Ой, Фрося не дожила! Счастье-то какое! Удивила, Дуняшечка, порадовала!»

И про грех сразу забыл, подумав: до чего же Господь милостив.

До ласки всегда был скуп, а тут к сердцу прижал горемычную внучку свою и не отпускает: «Ничего, девонька, справимся, вырастим».

– Само собой, дед, вырастим, – улыбается счастливая Дуня.

– Кто отец? – не выдержал, спросил.

– Да кто ж его знает? – пожала плечами. – Вон их сколько без отцов растут и ничего.

А она и правда не знала, а может, и скрыла надёжно... Было их несколько, кто съездил в город по делам..., а может, и впрямь по делам... Да и какая теперь разница. Человек родился!

Дуня сознательно это делала. Знала, что все будут помалкивать – хоть пытай, ежели что, и концов никто не найдёт.

– Дурочка – дурочкой, – злословили некоторые, – а своего добилась. Но дурное дело – не хитрое.

– Да как сказать, – сомневались другие.

Долго перешёптывались за Дуняшкиной спиной, но, как обычно, вскоре другие события деревенской жизни перевернули страницу истории появления на свет мальчика Пети. А люди по сути своей больше добрые, и каждый спешил прийти на помощь. Вещи несли детские: и новые, и старые, игрушки – кто что мог. В правлении материальную помощь выписали, и знатно новорождённому «обмыли ножки».

Побежала жизнь новая, насыщенная, отмеряясь месяцами, годами...

Мальчонка резвый, смыслённый, здоровенький – дед с рук не спускает. Все хвори вмиг отпустили старика, от счастья даже седина стала пропадать.

Не без баловства, конечно, но только в радость для всех, подрастал ребёнок. Учился хорошо, в спорте – первый. Мать с дедом почитал и во всём помогал. Мечту имел – военным стать.

Дуня матерью отличной была. Книжки читала, к труду приучала, в учёбе наставляла. Свой нрав жизнеутверждающий и покладистый сыну передала. И ещё больше улыбалась, только теперь светилось лицо её настоящим счастьем и никому она больше не казалась страшенькой. Стала она равной среди всех.

И что интересно, больше никто и никогда не называл её дурочкой. По-другому, как Евдокия, а то и по отчеству не величали, а как иначе: почётная доярка, победитель соцсоревнований и достойная мать.

«Вот, Фросечка, какой подарок нам внучка сделала на старости лет. Жаль ты, моя хорошая, не дожила, – рассказывал Игнат жене на могилке. – Я теперь к тебе повременю – помочь обязан. Ты уж не сердчай. Но какая же умница – Дуняшка-то наша!»

И помог. Долго прожил он. Петьку в военное училище проводил, на присягу слетал, женил, и даже праправнука дождался. Попросил Павлом назвать – в честь сына своего погибшего. А вот у Дуняши век не таким долгим был. Не встала она как-то летним утром с восходом солнца, не поприветствовала своим звонким голосом соседей...

Лежала в кровати такая маленькая, что и не сразу разглядишь её под одеялом и словно сладко спала, слегка улыбаясь. Она ведь всегда улыбалась и даже смерть приняла с улыбкой на устах.

И стояли у порога в ряд уродливые стоптанные коричневые и чёрные ботиночки...

Напрасно переживал дед, что никто не будет плакать на её могиле.

Высокий стройный Пётр Игнатьевич – майор, красавица жена его и два сына подростка, статью в отца, с любовью достойно проводили мать и бабушку в последний путь. Плакали сельчане, прощаясь и сожалея, что не увидят больше её красивую улыбку, не услышат задорный голос и звонкий смех.

Ушла Дуняша, а вместе с ней и целая эпоха, но не прервался именитый сильный род Савельевых, не допустила этого хроменькая, кривенькая, косенькая, маленькая, словно подросток, инвалид с детства, сиротка и победитель Дунька-дурочка.

Осенние встречи

1

Ласковый сентябрь баловал природу необычно долгим бабьим летом. Летала паутина, золотясь в лучах ещё тёплого солнца, пьяняще пахло пряной листвой неотвратимой осени. Узкая аллея пряталась в тени густых развесистых клёнов с разноцветными резными листьями, которые в бликах солнца загорались золотым и медным цветом.

Эта встреча была случайной.

Красивая девушка в модном, светлом плаще неспешно прогуливалась по аллее парка, то и дело наклоняясь, чтобы поднять приглянувшийся листик, и объёмный букет царственно красивых листьев с трудом помещался в её кулачке.

А навстречу ей по той же аллее, спрятав руки в карманы спортивной куртки, быстрым шагом шёл юноша. Занятый своими мыслями он, казалось, совсем не замечал сказочной красоты багряно-золотой осени. Но вдруг, увидев тоненькую улыбающуюся девушку с распущенными рыже-осеннего цвета волосами и с огромным разноцветным букетом в руках, неожиданно остановился. Улыбнулся ей в ответ и, очарованный её дивной красотой, не мог сдвинуться с места. Она была настолько хороша, что ему захотелось обнять это рыжеволосое чудо, но сумел он лишь только представиться, протянув прекрасной незнакомке руку:

– Игорь.

– Ляля, – она засмеялась, – Елизавета, – и протянула в ответ свою узкую ладошку.

Долго глядели они друг на друга с нескрываемым интересом, не размыкая рук и смущённо улыбались.

– Меня через месяц в армию забирают, – зачем-то сказал Игорь и серьёзно взглянул девушке в глаза.

– Целый месяц, ещё целый месяц впереди, – Ляля подбросила вверх собранные листья, и решительно взяла его под руку.

Они бродили по аллеям парка, болтали, перебивая друг друга, обо всём и ни о чём, как это бывает в молодости, и уже через несколько часов им казалось, что знакомы они давным-давно. Ляля тонула в его тёмных бездонных глазах, а сердце её вздрагивало от каждого случайного прикосновения. С ним было спокойно, надёжно и не скучно.

Как мы распознаём, что этот человек твой, а этот – нет? Есть мнение, что на животном уровне – по запаху. Так это или нет – оставим решать учёным. От Игоря пахло одеколоном «Саша», и никаких других запахов она не ощущала, но каждая клеточка её тела принимала его, понимала и не хотела отпускать.

Долго прощались у Лялиного подъезда, и загоревшаяся искра любви согревала их в осенней прохладе.

– Мама, я познакомилась с таким парнем! – Ляля словно летала по комнате.

– Влюбилась, – улыбнулась мама и с беспокойством взглянула на дочь, – кто он такой?

– Он чудесный! – Ляля, переодеваясь, продолжала кружиться, но, встретив встревоженный взгляд матери, решила пока скрыть свои зарождающиеся чувства. «Не буди лихо, пока тихо», – подумала она и перевела разговор на другую тему.

И уж никак не могла сказать, что приняла его приглашение на предстоящий день рождения.

– Ты придёшь? – спрашивал он при расставании. Она кивала в ответ: «Да, да, да!»

И вот наступил долгожданный день.

Ляля долго и тщательно примеряла свои многочисленные наряды. Не хотела выглядеть слишком роскошной, но в то же время мечтала быть лучше всех.

Елизавета была единственным и поздним ребёнком в благополучной и обеспеченной семье и росла в любви, ласке да заботе, а посему была сильно избалована.

Её жизнь до настоящего времени напоминала беззаботное порхание бабочки у сладкого цветка, и казалось ей, что так было, есть и будет вечно.

В подарок Игорю она выбрала пятитомник любимого Есенина, что стоял в библиотеке отца, одновременно служившей ему кабинетом. Отец Ляли занимал высокий пост во Внешторге, крутился, вертелся как мог, проворачивал сложные спекулятивные махинации, в том числе и валютные. Верная жена была в курсе этих дел, от дочери же, оберегая, всё это тщательно скрывали. Дом был, как говорится, полной чашей. Лялины наряды не помещались в шкаф, и, стоило ей только чего-либо захотеть, это сразу у неё появлялось. Семья не видела пустых прилавков, огромных очередей – они жили словно в ином мире, ином измерении. Общались в кругу себе подобных, посторонних в дом не пускали и берегли свою красавицу-дочь для брака с человеком «своего круга».

Запреты, как известно, всегда ведут ко лжи, и влюблённой девушке тоже пришлось пойти по этому пути.

– Мама, я сегодня задержусь. У сокурсницы день рождения, и меня пригласили. Я взяла в подарок «Есенина», – говорила спокойно, стараясь честно глядеть в глаза матери.

Возможно, подобная ложь спустя некоторое время не прошла бы, но мама ещё не успела навести справки о тех, с кем училась её дочь на первом курсе филологического факультета университета. И мама, потеряв бдительность и осторожность, позволила.

Занятия и лекции Лялю сегодня не интересовали. Она, казалось, ничего не видела и ничего не слышала. Была рассеянна, и сердце её замирало в ожидании предстоящей встречи с Игорем. И вот последняя пара окончена. Она первой выбежала из аудитории. Увидев Игоря, на мгновение замерла, любуясь его стройной и мускулистой, как у гимнаста, фигурой.

Тихонько подошла сзади и закрыла ладошками ему глаза. Он накрыл её руки своими крепкими тёплыми ладонями, и сердце у Ляли застучало, упало куда-то вниз, затрепетало и она глубоко задышала. Зажмурилась, а Игорь рассмеялся.

– А почему ты смеёшься?

– Мне с тобой хорошо, и хочется смеяться, – весело ответил он, подхватил её, поднял над собой и, глядя на неё снизу вверх, неожиданно грустно проговорил, – и зачем я встретил тебя именно сейчас?

– Так это же хорошо, – Ляля внимательно посмотрела ему в глаза...

– Ничего хорошего, – он поставил девушку на землю, – мне служить два года.

– А я буду ждать, – тихо и серьёзно ответила она.

Игорь внимательно посмотрел на Лялю, вздохнул и щёлкнул пальцем по носу.

Они вновь засмеялись, но уже как-то невесело.

2

Игорь жил вдвоём с мамой в скромно обставленной двухкомнатной квартире. Длинный стол занимал всю комнату и ломился от обилия самых разнообразных блюд. Мама Игоря, очень молодая по сравнению с мамой Ляли, раскрасневшаяся, продолжала хлопотать на кухне, и на предложение девушки помочь отказалась. Ляля этому несказанно обрадовалась – делать-то она ничего не умела. Уборкой в их большой квартире занималась домработница, она же и готовила.

– Нароботаешься ещё, – смерив оценивающим взглядом девушку, мама Игоря добавила: – Идите лучше котят посмотрите.

– Котят? – удивилась Ляля.

В маленькой комнате стояла большая картонная коробка, и в ней грациозно возлежала белая пушистая кошка. Вокруг неё спали, ползали и пищали чёрно-белые пушистые котята.

– Можно? – затаив дыхание от восхищения, девушка присела и потянулась к забавным малышам.

Словно маленький ребёнок, бурно выражая умиление, тискала она эти мохнато-шёлковые чудные комочки, целовала, прижимала к себе. Игорь смеялся, заглядывала мама и тоже смеялась, удивляясь столь непосредственному выражению радости. Ляля попискивала вместе с котятами, передразнивая их, взвизгивала, когда они выпускали коготки. Она брала на руки то одного котёнка, то другого, то двоих сразу, прижимала к груди, зажмурившись, и приговаривала: «Какие хорошенькие!»

Кошка внимательно следила за ней и нервно махала хвостом из стороны в сторону, выражая этим крайнее недовольство.

– Ты что, котят ни разу в жизни не видела?

– Нет...

Это было невероятным, но в её доме никогда не заводили никакой живности, даже аквариума с рыбками не было, и сейчас она искренне испытывала неизведанный в детстве восторг.

Стали собираться гости. Первыми пришли родственники, после подтянулись друзья, с девушками и без. Стало шумно, и Ляля почувствовала себя неудобно.

«Как-то всё некультурно», – с тоской думала она.

Но стоило ей взглянуть на Игоря, как все страхи и сомнения исчезали, и она вновь растворялась в своих новых приятных ощущениях.

Игорь тоже не сводил с неё грустных глаз. Всеми силами он сопротивлялся охватившему его чувству: только бы не влюбиться – ведь впереди разлука на два длинных года...

И мама Игоря, переживая, следила за ними и грустно вздыхала: «Ой, как же не вовремя пришла к ним любовь!»

А разве любовь спрашивает разрешения прийти? Двое встречаются, и вдруг совсем неожиданно, как будто по велению свыше, начинают биться в унисон сердца, и каждый принимает другого полностью, без остатка, в сердце и душу, и уже не помнит жизни до: без взгляда, вздоха, слова любимого, без тепла, запаха, объятия и ласки.

За столом произносили тосты, что-то вспоминали, смеялись. Игорь взял гитару, и они ещё долго пели.

– Давай сбежим, – вдруг предложила Ляля.

– Давай, – неожиданно согласился Игорь, – только я хочу сделать тебе подарок.

– Какой? – кокетливо спросила немного опьяневшая от шампанского девушка и, засмеявшись, подумала: «Что бы сейчас сказала мама, увидев меня?»

Они долго гуляли по ночному городу. Ещё дольше стояли у подъезда и целовались. Котёнок – подарок Игоря – спал во внутреннем кармане его широкой куртки. От счастья кружилась голова, и расстаться не хватало сил.

– Мне пора, – в который раз говорила она тихо, а он снова и снова неловко прижимал её к себе, боясь потревожить спящего котика.

3

Ляля осторожно открыла дверь в квартиру. Но это была излишняя конспирация. В прихожей, в ночном пеньюаре и бигуди, скрестив руки на груди, возвышаясь, словно памятник, стояла мать. Чуть в стороне, с недовольно-обречённым видом в мятой полосатой пижаме, широко зевая, пытался удержать равновесие сонный отец.

– Ну! – угрожающе упёрлась кулаками в пышные бока мать.

И вдруг Ляля, продолжая глупо и блаженно улыбаться, опустила на пол дрожащего от страха маленького очаровательного котёночка.

– Это что такое?! – мать потеряла самообладание и сорвалась на визг. – Выброси немедленно! Убери эту гадость с глаз моих долой!

– Нет, – твёрдо и решительно ответила Ляля и топнула ножкой, – это не гадость, а подарок, и он будет жить со мной.

Девушка на всякий случай взяла пушистого малыша на руки. Разразился мощный скандал. Мама уже была уверена, что Лялю соблазнил какой-то проходимец, и скоро все они вымрут от болезней, которые принёс в дом этот страшный грязный зверь! Этот хищник поцарапает полированную мебель из карельской берёзы, порвёт итальянские портьеры, разобьёт саксонский фарфор, что с таким трудом доставал отец, а его самого ожидает разрыв сердца, и виной этому будет она – их позорная распутная дочь. Кричала мать, кричала Ляля. А отец, улыбаясь, нежно взял котёнка и понёс его на кухню – кормить. Он поил малыша молоком и грустно, о чём-то о своём, вздыхал.

– Котёнок будет жить здесь, или я уйду из дома, – стояла на своём Ляля.

Мать, никак не ожидавшая от послушной и покладистой дочери такого сопротивления, отступила. Но страх беды поселился в её сердце.

Над строптивой дочкой решили установить тотальный контроль. Тревога поселилась в доме, где отныне беспокойно пахло валерианой, корвалолом и другими лекарствами, а шумные вздохи и шарканье ног по квартире бессонными ночами только усиливали панику.

По утрам в институт Лялю отвозил личный водитель отца. После занятий на лестнице у входа её ждала мама, надев на себя суровый недовольный вид.

Свобода, не начавшись, закончилась.

– Чую беду, сердцем чую, – плакала Лялина мама мужу, – моё сердце не обманешь. Быть беде.

– Не накликай, – волновался отец, но не из-за дочки.

Как известно, сердце женщины не обманешь. Каким уж чувством – седьмым или десятым, но беду она чувствовала правильно. Только пришло несчастье, откуда не ждали.

Так долго выстраиваемый отцом Ляли мир отношений в торговой отрасли стал разваливаться. Кто-то, более сильный, начал ломать устоявшиеся правила игры, вытесняя его, постаревшего, из системы внешней торговли. И не просто вытесняя, а подводя под статью. И статью тяжкую.

В силу этих проблем контроль над Лялей ослабили, и она сразу поехала к Игорю. Много дней он встречал любимую после лекций, но она проходила мимо под руку с мамой, лишь изредка кидая на него мимолётные взгляды, полные нежности и отчаяния.

Но мужчины не читают между строк – что бы милая ни пыталась сказать взглядом, она прошла мимо, и это было главное.

– Только бы не забрали, только бы не уехал, – твердила девушка и сжимала кулачки на удачу.

Дверь никто не открыл. Она устало опустилась на скамейку у подъезда и по-детски расплакалась.

Стемнело. На улице заглодало, подул стылый ветер, начал накрапывать дождь.

Игорь не появился. Обречённо, в полном отчаянии, Ляля брела домой. Это было её первое горе. Это была её первая любовь.

Первая любовь в этом возрасте завершает период взросления и, как правило, оставляет либо чистые воспоминания, либо неизбежное горе – шрам в душе на всю жизнь. Всплеск гормонов и накал страстей, чувство обволакивающего воздушного счастья возносят влюблённых на самую вершину блаженства, которую лучше оставить непокорённой. Лучше потом нежно, с удовольствием, перебирать в памяти приятные эмоции, нежели свалиться с вершины кубарем, переломав все кости, и зализывать раны всю оставшуюся жизнь.

Ляля не вошла, а ввалилась в квартиру и дала волю слезам, тонко по-бабьи подвивая. Пережившим нечто подобное, эти страдания кажутся смешными, а переживающие чувствуют, что весь мир обрушился на них.

– Господи, что с тобой? – мать упала перед дочкой на колени.

– Он уехал, – рыдала девушка, – он уехал!

И вдруг она увидела вокруг себя собранные сумки, баулы и чемоданы. В квартире всё было перевернуто вверх дном.

– Кто-то уезжает? – всхлипывая, спросила.

– Ты с бабушкой.

– Я с бабушкой? – не поняла она. – А где Мурка?

– Выкинула, – сказала, как отрезала, мать, – не до неё сейчас.

Полными слёз глазами девушка смотрела на постаревших испуганных и суетливых родителей. Жалость к ним, любовь и одновременно какая-то ненависть за то, что именно они лишили её счастья первой любви, смешались и выплеснулись злыми обличающими словами, переходящими в крик. Сжигающая изнутри боль, разрывала сердце. Её бросили, её предали, не поняли... все вокруг чужие... Выплеснув всю горечь трагических переживаний и страх неизвестного будущего, обвиняя и мать, и отца в ненасытности и равнодушии к ней, громко хлопнув дверью, она выбежала на улицу. Котёнка нашла на первом этаже под батареей. Его действительно выбросили за порог подъезда, но с кем-то входящим он прошмыгнул обратно.

– Родная моя, Мурочка, – Ляля прижимала кошечку к груди, а та от счастья урчала, пытаясь лизнуть хозяйку в лицо. Девушка чувствовала в ней частичку Игоря, и ей становилось спокойней.

Домой она не пошла. С котёнком за пазухой вновь поехала к Игорю.

Зачем? Да потому что влюблённое сердце созрело довериться мужчине. Родители, которые были оплотом крепости её жизни, отошли на второй план, освободив место создаваемой новой жизни, имеющей обыкновение виться нескончаемой спиралью.

Был уже поздний вечер, когда она, волнуясь, осторожно нажала на кнопку звонка. Дверь открыл Игорь. Удивился и очень обрадовался её приходу. Ляля долго, перескакивая с одного на другое, рассказывала о навалившихся на неё неприятностях. Про возможный арест отца, про свой отъезд с бабушкой, о выброшенном котёнке... И о том, как весь вечер его ждала. Она плакала и тело сотрясала нервная дрожь.

– Твоя мама знает, что ты у меня? – взволнованно спросил Игорь.

– Нет, она вообще о тебе ничего не знает.

– Ты обсохнешь, попьёшь чаю и поедешь домой. Я отвезу тебя.

– Нет, я останусь с тобой...

Они сидели на кухне и пили чай. Ляля была одета в мягкий байковый халат мамы Игоря, а её промокшие вещи сушились на верёвках в кухне. Игорь рассказывал о себе. Он мечтал быть то философом, то музыкантом и, не найдя себя, решил отдать долг Родине. Рассказывал, что давно живёт вдвоём с матерью, о гибели отца, военного лётчика, могила которого осталась далеко, в закрытом военном гарнизоне.

Ляля видела, что, если по годам они были почти ровесники, то по жизненному опыту Игорь был старше, умнее и рассудительнее неё. Она доверяла ему, чувствовала себя с ним в безопасности.

И, очарованные друг другом, они вновь целовались, и безрассудство молодости, и первая влюблённость, и жар в крови играющих гормонов, привели их к апогею любви. Взрыв эмоций, огонь желания и наслаждения... Ляля лежала, не открывая глаз, и медленно возвращалась в реальный мир, Игорь вопросительно и грустно смотрел на неё.

* * *

Праздник закончился. Пора возвращаться домой.

Они клялись в вечной любви и вечной верности. Ничего нового нет на земле. Но для них всё было впервые...

– Я буду ждать тебя!

– Я тебя никогда не забуду!

4

Вагон мерно покачивался, и Ляля, грустно глядя на мелькающие за окном тёмные, напитанные холодными дождями, осенние пейзажи, вспоминала ещё совсем недавнее прошлое, как сон, как сказочное видение. Она не верила в происходящее, сердце не принимало насильственную разлуку с любимым, и безнадёжностью была заполнена страдающая душа. Неизвестность будущего пугала, и сердце сжималось в комочек.

В купе было жарко, но окно не открывали из-за бабушки, которая боялась простуды, а дверь в коридор – в целях безопасности. В чемоданах и коробках, для виду небрежно перевязанных, а на самом деле запакованных как швейцарские сейфы, перевозили, опасаясь конфискации, наиболее ценные вещи. Меха, старинные иконы в серебряных окладах, антикварные гравюры и акварели и много других ценных вещей, в которые вкладывались лишние деньги семьи. Золотые изделия с драгоценными камнями зашили в пояс бабушкиного жилета. Она терялась, от волнения забывала, куда и зачем они едут... Затем память к ней возвращалась, и тогда она начинала плакать, по-старушечьи сморкаясь и причитая. И только Мурке было хорошо. Свернувшись комочком под боком у хозяйки, она крепко спала, подёргивая во сне лапками.

Из динамика звучала популярная песенка Олега Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», а Ляля слышала Игоря – его тихий густой бархатный обволакивающий голос.

Эту песню он пел, аккомпанируя себе на гитаре, в день рождения: «...И всё же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,

Чьи имена как раны на сердце запеклись.

Мечтами их и песнями мы каждый вдох наполним...».

Ляля вспоминала и считала эти предстоящие два года разлуки в месяцах, затем в днях, часах, минутах... Сбивалась и вновь считала. И верила, что они обязательно будут вместе.

А поезд неумолимо увозил их всё дальше и дальше от родных мест на северо-восток. Осенние пейзажи сменились зимними...

Через несколько суток на вокзале чужого далёкого города их встречал внучатый племянник бабушки.

* * *

А в это время Игорь, в старой одежде, как все призывники того времени, ждал распределения на сборном пункте.

Ляля тоже вспоминалась ему чудным дивным сном...

* * *

Приближалась весна, но в N ещё хозяйничала зима – здесь она была снежной, морозной и долгой.

Ляля медленно, боясь поскользнуться, шла из института по утоптанной тропинке к бабушкиному дому. Чем ближе подходила, тем сильнее билось её сердечко, и она издали пыталась разглядеть в дырочках почтового ящика долгожданное письмо.

Но его не было. Не знала Ляля, что предприимчивая бабушка тайком выбрасывала первые весточки молодого солдата, считая его предвестником всех бед в семье и невольным символом развала налаженного годами быта. А потом писем не стало. Не знала девушка, что послали молодого бойца служить в Туркестанский военный округ, а затем в 40-ю общевойсковую армию, которую в прессе называли ограниченным контингентом советских войск в Афганистане. А ещё писали, что ограниченный контингент помогает местным афганским дехканам строить водопроводы и дороги. Скрывали, что это была полномасштабная многолетняя жестокая война среди гор на чужой земле.

Не догадывался и Игорь, что носит Ляля под сердцем плод той их первой и единственной близости. И не узнал, что вскоре на свет появился мальчик, которого тоже называли Игорем.

Отец Ляли был арестован, но до суда не дожил – случился инфаркт. Конфискации, которой так боялись в семье, не страшилось.

Похоронив мужа, мать Ляли тоже приехала в город N, убегая от позора и одиночества. Нужно было также помогать дочке растить внука и присматривать за престарелой матерью.

Игорёк рос смешливым, озорным мальчуганом, заласканным бабушками и страстно любящей юной мамой. Ляля одаривала сына всей своей нерастроченной любовью. Вопреки всему она продолжала ждать Игоря, продолжала любить и верить.

5

Говорят, что время – величина постоянная, его нельзя остановить, ускорить либо замедлить. Может быть, как физическое явление в какой-нибудь точной науке, например, метрологии, оно и является постоянной величиной, а в человеческой жизни оно разное. Насколько длинным кажется день в юности и как быстротечен год в старости... Время непостоянно в разных состояниях: оно имеет свойство растягиваться в ожиданиях, останавливаться в горе и умудряется бежать всё быстрее и быстрее с каждым нашим прожитым годом.

Так было и у Ляли. В трудах и заботах незаметно, и всё скорее пролетали лучшие молодые годы. Ушла в мир иной бабушка. Обнимала она Игорька, смотрела в его большие глубокие, как тёмные озёра, глаза, и слёзы застывали в душе её и болело сердце. Вершила она судьбу своей единственной внучки – чистой восторженной девочки – и осиротила ребёнка. Прижимала правнука к груди и шептала: «Прости, прости...»

А Ляля продолжала ждать и верила. Верила и бессонными ночами представляла их встречу. Ворошила короткую историю их зародившейся любви, искорка которой разгорелась в разлуке и вспыхнула ярким пламенем настоящей большой любви в её чистом верном сердце.

В родной город решили не возвращаться. Периодически мать Ляли ездила туда: на могилу отца, проверить квартиру. Но в очередной раз занемогла, и поехала Ляля.

Заканчивался сентябрь. Тёплый, прятный. Светило солнце, летала золотистая паутинка. Кружась, медленно осыпались листья. Ляля сидела на скамейке около подъезда, в котором жил Игорь, но переступить порог не могла. Страх неизвестности сковал и мысли, и тело. Она не могла уйти и не могла заставить себя позвонить в дверь. Из подъезда вышел старик погреться последним солнечным теплом и, развернув газету, сел рядом.

Собравшись с духом, выдохнув, спросила про Игоря.

– Помню, конечно, помню... Погиб парень в «Афганскую», – сказал он, но, увидев расширенные Лялины глаза и немой крик из закрытого ладошкой рта, быстро поправился, – но это не точно. Вначале говорили, что погиб, а после – пропал без вести. Могилы его нет. Матушка всё ездила, искала. Ты сходи в военкомат, там тебе всё скажут.

– А матушка его?

Старик пожал плечами:

– Съехала, говорят, а куда – не знаю. Ты в военкомат иди.

Он с сочувствием смотрел на молодую красивую рыжеволосую девушку и долго ещё рассуждал о несправедливости этой чужой войны. Но Ляля ничего больше не слышала...

В сердце билось и отдавалось в висках одно только страшное слово «погиб...»

Она шла аллеей парка по шуршащим листьям, и каждый шаг отдавался болью в душе: «Погиб, погиб... погиб».

Не заметила, как ноги сами привели к маленькому деревянному храму. Тишина, прохлада, приятный сладкий запах ладана. Поставила свечку на канун и вдруг встрепенулась: «А если живой?» Испугалась!

– Возможно, жив, – всхлипывая, второпях рассказывала работнице храма, – без вести, говорят, пропал..., а я ему свечку на канун...

– Так, милая, у Бога все живы, ты, главное, молись. Может, молитвы ему сейчас ох, как нужны, – успокаивала её пожилая женщина.

* * *

Дома Лялю не узнали. Скорбная морщинка легла между бровей, а мягкие, пухлые ещё, девичьи губы плотно сомкнулись, как бывает у переживших большое горе, потерявших самых близких...

– Ты хоть скажи, дочка, как его звали? А то дала сынишке отчество деда? – допытывалась мать.

– Это моё, мама, личное, не скажу. Не спрашивай...

6

Прошло много лет.

Красивая рыжеволосая женщина медленно подходила к дому. На скамейке у калитки стояла обувная коробка, из которой слышалось жалобное мяуканье.

– Опять, – устало выдохнула Ляля и аккуратно достала крошечного испуганного котёнка. В округе знали, что в этом доме любят кошек и частенько оставляли у них на пороге такие вот коробки с сюрпризом.

– Игорёк, – крикнула она, входя в дом, – опять подбросили. Иди, посмотри, чудо какое.

Из комнаты вышел высокий, стройный, по-юношески румяный парень, а за ним, лениво потягиваясь, медленно и с достоинством выглянули из разных дверей дома три кошки.

– В вашем полку прибыло, – Ляля присела с котиком на руках на корточки, – знакомьтесь.

Кошки медленно подошли, зашевелили усами и потянулись носами к незваному гостю. Самая капризная и ревнивая Белка, светлая пушистая кошечка с огромными жёлтыми глазами, постояла, недовольно размахивая хвостом, понюхала, лизнула и равнодушно пошла на кухню, жалобно прося есть. Смешливая и озорная Фрося, трёхцветная короткошёрстная кошка, проявила больший интерес и принялась заботливо вылизывать подкидыша. Чёрно-белая Мурка с зелёными круглыми глазами, самая старая в доме, даже не подошла. Ей, много повидавшей на своём веку, какие-то котята были уже не интересны.

Из дальней комнаты раздался хриплый старческий голос:

– Опять кошку в дом принесла? Что же ты за котяру такого в своей жизни встретила, что до сих пор подбираешь всех кошек и не выходишь замуж?

Мать Ляли давно не вставала. К старости она стала удивительно цинична и высказывала, порой, такие скабрёзности, которые, впрочем, простительны старикам.

– Мама, бабушка права, может, хватит в доме кошек? – сказал сын, держа на руках котёнка и нежно его поглаживая.

– Ты, сынок, как никто другой должен любить котят. Ведь именно маленькой Мурке ты обязан своим рождением, – ответила Ляля, которую уже давно все называли Елизаветой Андреевной. Она работала в школе учителем русского языка и литературы.

– И когда же ты, наконец, расскажешь тёмную историю моего рождения? – в который раз поинтересовался сын.

Елизавета вздохнула:

– Нет, не тёмную, а светлую, – сказала она тихо, как будто самой себе.

– Значит, это тоже будет Мурка, – поставил точку в разговоре Игорёк, и пошёл готовить тазик для купания и обработки котёнка.

– Ой, неспроста в доме вновь появилась ещё одна Мурка, неспроста. Чует моё сердце: быть беде! – раздался крик из спальни.

Эти слова оказались пророческими. Мать Елизаветы хватил удар. То есть, случился второй инсульт, и более серьёзный, чем первый. Она была ещё не совсем стара, но напасти судьбы сильно подорвали её здоровье.

– Что мне делать? – спрашивала Елизавета у приятельницы, – Чувствую, что-то неправильно делаю, что-то самое главное в своей жизни упускаю.

– Прекращай жить мечтами и воспоминаниями, – махнула рукой подруга, – и хватит хранить верность неизвестно кому..., а к матери пригласи священника, пусть причастит. Да ты и сама забросила в церковь ходить.

Ляля кивнула головой соглашаясь. Долгое время она регулярно поминала Игоря, молилась о нём, но в круговерти дней стала всё реже и реже появляться в храме. Игоря не забыла, но вера её надломилась, а смирение с горечью и какой-то глубокой обидой поселились в сердце. Мечты о встрече рассыпались, как карточный домик, и не приносили былой радости короткого, мечтательного, призрачного счастья. Любовь по-прежнему горела в сердце, но уже с горечью и без всякой надежды.

Священника пригласили, маму причастили, и она спокойно, с миром в душе, отошла.

Осень в том году выдалась необыкновенно тёплой и солнечной. Только ближе к Покрову вмиг пожелтели листья и полетели в подол листопада, застилая пёстрым шуршащим ковром землю. А накануне самого праздника неожиданно случилось ещё одно бабье лето, волнуя, радуя и молодых, и старых.

На праздничную службу Ляля с сыном пришли заранее. Подали записочки, поставили свечи и встали в уголке недалеко от свечного киоска. Слышали, как весело, шутя, говорили певчие про нового у них в храме иподиакона. Молодой, да холостой, ещё не рукоположен, он волновал сердца верующих девушек, которые мечтали стать матушками. Да и ему надобно скоро жениться. Улыбалась весело, вместе с певчими, и Ляля. Слушая разговоры, растеряла молитвенный настрой, и никак не могла сосредоточиться. А потом накатила грусть, и вся её жизнь картинками пролетала перед ней: первая встреча, любовь, смерти отца, бабушки, мамы...

Священник совершал каждение, торопливо обходя храм. Она, как и положено, отступила, поклонилась, и чётко услышала слова, что негромко читал батюшка: «...Се бо, в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя...».

Опять ненужные мысли полезли в голову. Отмахиваясь от назойливых воспоминаний, она заставляла себя внимать праздничному архиерейскому богослужению, но почему-то была рассеянна.

Готовился крестный ход. Участники его, сплочённые единой верой, выстраивались в определённом порядке для свершения этого символического шествия. Священнослужители в нарядных голубых одеждах. Иконы, хоругви и другие церковные святыни.

Распахиваются двери храма и возносится ввысь – ко Престолу Господа – живая людская молитва, и солнце ярким светом озаряет радостные лица верующих. В этой суете Ляля оказалась прижата к узким входным дверям. Сердце её также наполнилось Божьей благодатью и вспомнились слова: «Крестный ход идёт – ад трепещет». И вдруг...

Вдруг как наваждение, словно всполох молнии – она видит Игоря. Он проходит мимо, в руках икона... Не может быть... Показалось? Нет! Она успела заметить седину на висках, шрам на щеке, и поймать задумчивый взгляд его тёмных красивых глаз... До боли родных...

– Игорь! – закричала испуганно, и потянулась вперёд руками, стараясь задержать его, – Игорь!

Он резко обернулся, но колонна верующих, как горная река, не останавливаясь, решительно двигалась вперёд.

В глаза потемнело, голова закружилась... Сыну показалось, что мать теряет сознание и он вывел её в церковный дворик. Посадил на скамейку, вопросительно посмотрел в глаза. Ляля невидящим взором глядела куда-то вдаль, крепко прижимала к себе руку сына, покачивая её, как качают дитя, и нараспев повторяла: «Он жив, он жив».

– Это мой отец? – осторожно спросил сын, и она кивала, повторяя как заклинание: «Он жив, он жив». И слезами были отуманены её глаза.

Праздничная служба закончилась. Быстро разошлась толпа верующих, разъехались священники на своих автомобилях, двор опустел. Ляля стояла, напряжённо прислонившись к ограде. Белый ажурный платок упал на плечи, и непослушные рыжие волосы с лёгкой ранней сединой переливались золотом под ярким солнцем.

На порог храма вышел худощавый спортивного сложения высокий мужчина с рюкзаком за плечами. Это был молодой иподиакон Игорь, тот самый, на кого заглядывались молодые прихожанки храма, мечтавая выйти за него замуж. Он остановился и, прикрывшись ладонью от солнца, некоторое время смотрел на Лялю, а затем, слегка прихрамывая, медленно подошёл к ней.

Долго, очень долго глядели они в глаза друг другу... Взялись за руки...

– Я знал, что встречу тебя.

– Я ждала тебя... вернее, мы ждали, – она с гордостью обняла сына и горько заплакала.

* * *

Они шли втроем по узкой кленовой аллее, и в кулачке Ляли с трудом помещался огромный букет разноцветных кленовых листьев.

Они молчали. Слишком долгой была разлука, чтобы сразу много говорить, но чувствовали друг друга, наслаждались близостью, и не вмещала в себя душа радость столь неожиданной встречи...

Вдруг шумно зашелестели, отрываясь с деревьев последние листья. Порыв ветра закружил их в последнем танце, и они, медленно вращаясь, опускались на землю.

Ляля посмотрела на Игоря, улыбнулась, подбросила в вихрь ветра букет собранных листьев, и прижавшись к груди любимого, прошептала: «Я не хочу больше осенних расставаний».

Яблочный блюз

Третий день город был погружён во мрак вязкого, липкого, как кисель, тумана, и в мутном свете неоновых огней затаились улицы в промозглой непогоде. Тёмные фигуры прохожих, как призраки из чужих миров, неожиданно возникали ниоткуда и также внезапно растворялись в удушливой седой дымке. От едкого запаха выхлопных газов першило в горле и слегка подташнивало. Сыро, неприветливо.

Это невыносимая туманная муть вызывала у Ии животный страх, и возвращался давний, но не забытый ужас прошлого. Из тайников разума, как цунами поднималась паническая атака, парализуя волю безысходностью и страхом смерти. Мир вокруг снова стал нечётким; озноб, пот, дрожание рук... Она боялась этого состояния до обморока. Стараясь глубоко и ровно дышать, больно ущипнула себя за запястье, впившись до крови ногтями в кожу, и из последних сил побежала в метро. Надо было туда, где свет, люди, но их было слишком много и она, не справившись, прислонилась к стене. Всё вокруг завертелось, в глазах потемнело... Медленно, теряя сознание, опустилась на пол. Молодая, красивая.

– Девушка, вам плохо? – рядом на корточки присел мужчина, взял её за руку, считая пульс.

– У вас есть яблоко? – прошептала сухими губами. – Мне надо яблоко... понимаете – яблоко и всё пройдёт, а ещё... не уходите пока, не оставляйте меня.

– Люди, – громко крикнул мужчина, – срочно требуется яблоко – человек умирает!

Равнодушная толпа текла, словно людской речной поток, никак не реагируя.

Лишь старушка, добрая душа, подошла: «Вот, сынок, – протянула вялое, в чёрных пятнышках, небольшое яблочко, – плохенькое, но своё. Другого нет». Ия жадно его схватила. Яблоко было хоть и неказистое, но сладкое и она, плохо разжёвывая, торопясь, глотала спасительные соки, и сознание прояснялось.

– Диабет? – сочувственно покачала головой бабушка.

– Нет, врачи не находят причину... Мне становится плохо, охватывает паника, я теряю сознание, и возвращают к жизни меня только яблоки. Всегда ношу их с собой, но вот сегодня не хватило – это уже второй раз – всё мерзкий туман виноват.

Стало легче, но идти сил не было. От нестерпимого чувства голода, что возникал всегда после, тряслись руки. Выступил холодный обильный пот, бросало то в жар, то в холод. Медленно стянула берет, из-под пальто вытащила длинный шарф и вытерла лицо, размазав по бледным щекам губную помаду. Судорожно схватила мужчину за руку: «Не уходите, пожалуйста, вызовите такси, в сумочке деньги». Назвала адрес.

Ох, уж эти «яблочные состояния»! Никто не мог раскрыть причину столь невыносимых и внезапных приступов, а те объяснения, которые находила сама, казались уж слишком невероятными, чтобы принять их и поверить. Они длились около пятнадцати минут, а силы потом покидали надолго, оставляя ноющую, сжимающую виски и сердце боль, невыносимые душевные страдания. В такие минуты ей хотелось, чтобы кто-то был рядом, протянул руку помощи и поддержки, выводя её из неуправляемого бессознательного страха и необъяснимой тоски. Руку сильную, надёжную и мягкую, как детская ладошка...

Дома с трудом приняла душ, он приободрил, и Ия с удовольствием поела. И, наконец, расслабилась, вытянувшись в постели. С огромной картины, написанной со старой любительской фотографии, что висела напротив кровати, смотрели на неё дети.

На почерневших брёвнах, около заросшего зеленью палисада, сидит, вытянув вперёд худые босые ножки, девочка, а рядом с корзиной отборных наливных яблок, загорелый, как шоколадка, стоит пацанёнок почти на полголовы её ниже. Смеясь, сжимая от радостного возбуждения крепенькие кулачки, он глядит широко распахнутыми тёмными глазёнками прямо

в объектив. Взлохмаченные золотистые волосы, вихрастый чуб; мятые короткие штанишки и расстёгнутая рубашка в клеточку.

Дети безмятежно счастливы, и каждый штрих на полотне подчёркивает неземную благодать солнечного летнего дня.

Это было тем летом, когда у Ии появился отчим. Раньше в строке свидетельства о рождении «отец» стоял прочерк, и Ия очень этого стеснялась. Стеснялась она и маму, вечно встревоженную, тоскливо-поникшую, несостоявшуюся балерину. Не любила она и своё имя. Никогда не понимала, за что её так обозвали. При знакомстве всегда раздражалась:

– Тебя как зовут?

– Ия.

– Как-как? Как ослика? – переспрашивают со смехом.

– Ослик Иа, а я – Ия.

– Хм, надо же! А полное как звучит?

– Так и звучит – Ия.

– А что оно означает?

– Фиалка.

– Так фиалка даже лучше.

Ия родилась недоношенной, весом в полтора килограмма. Постоянно плакала и пищала. «Как котёночек», – говорила мама и изображала детский писк – «ия-ия». Вот и назвали её «Ия».

Девочку очень боялись потерять и постоянно лечили от всевозможных, чаще надуманных, болезней. Ей запрещалось бегать, прыгать, играть с детьми. Кругом, считали родители, подстерегают опасности, микробы и недобрые люди. Празднично наряженного ребёнка обычно выгуливала бабушка. Чинно шествуя по парку, она крепко держала Ию за руку и читала непонятные детскому уму нотации о жизни. Девочку не пустили даже в школу – обучали на дому.

Дни её были однообразны и унылы, до тех самых пор, пока мама не вышла замуж. Это случилось вскоре после смерти бабушки. Отчим, Вадим Сергеевич, был немолод, но богат; некрасив, но всемогущ. В нём не было полутонов, он был прямой, как рельса, и его всегда было много: он громче всех смеялся, если был весел; орал во всю глотку, когда был зол, а так как характер имел неуравновешенный, абсолютно не контролировал свои эмоции.

Всё было бы терпимо, кабы не одно «но» – он считал, что всегда и во всём прав. А заодно разбил в пух и прах всю методику воспитания Ии.

– Галя, ты лишила ребёнка жизни! – вопил он на всю округу. – Запертая в четырёх стенах, она ничему не научится! Избалованная девчонка целый день маячит перед моими глазами – это невыносимо!

Ия тоже не испытывала особого желания лицеизреть чужого громогласного дядьку, который незаметно оттеснял её на второй план, заполняя собой всё пространство вокруг. Она едва переносила его, и никак его не звала, а если обращалась, то говорила: «Вы», и всё.

Тем летом он вывез семью на дачу. Высокий бревенчатый дом с мансардой и резными ставнями прятался в саду за железным забором, а сам дачный кооператив охранялся. Разомлев от свежего воздуха, пряных ароматов буйной растительности, здоровой пищи, молодожёны были заняты только друг другом, порой забывая про Ию. И девочка была счастлива в своей свободе. Она с удовольствием исследовала не только уголки заброшенного сада, но и всё смелее выходила за ворота.

Однажды случилась непогода. Несколько дней шёл дождь, и тучи комаров, порождённые сыростью, не позволяли выйти из дома. Отдыхающие целыми днями спали – сама погода к этому располагала. Ия, маясь от безделья и стараясь вести себя тихо, с тоской выглядывала в окно. Заметив, что дождь прекратился, быстро оделась и побежала на улицу, да не просто так, а к реке, которую обнаружила не так давно за большим лугом. В счастливом возбуждении,

упиваясь вольностью, неслась по лужам в резиновых сапогах, а за ней облаком летели стаи комаров, и чем ниже к реке, тем их становилось больше. И вот она – долгожданная речка – внизу, покрытая белёсой клубящейся дымкой.

Осторожно спустилась к воде и не заметила, как оказалась в непроглядной пелене тумана. От реки поднималось тепло, слышались всплески – играла в воде рыба, но земля становилась более скользкой, и ничего не было видно. Девочка оторопела. Завертелась на месте, кидаясь из стороны в сторону, и вовсе потерялась. Запуталась в каких-то кустарниках и ветви их, словно костяные руки, хватали её, царапали. В паническом ужасе побежала, как показалось ей в сторону дома, но увязла в прибрежной грязи и потеряла сапожки. Бросилась их искать, поскользнулась и... съехала с крутого берега в воду. Испугалась настолько, что помутилось сознание и почернело в глазах, не могла даже крикнуть. Сердечко выпрыгивало из груди, не хватало воздуха! Она цеплялась руками за корни деревьев, траву, карабкалась босыми ножками по скользкому берегу, пытаясь выбраться, но силёнок не хватало, и она вновь съезжала вниз, каждый раз всё дальше и дальше от берега.

– Спасите! – крикнула, но получилось тихо, хрипло, и она заплакала, продолжая крепко держаться порезанными в кровь руками за какой-то корешок. Туман становился гуще, уставшее маленькое тельце неистово терзали комары. Река под ногами казалась бездонной.

И вдруг она услышала голос.

– А что ты тут делаешь? – нежданно-негаданно, словно приведение, из тумана вышел мальчик. – Давай руку.

Ия протянула ручонку и судорожно сжала его ладошку – тёплую, мягкую, широкую для такого маленького человечка, и надёжную. Он сопел, пыхтел, но уверенно тащил по обрывистому берегу вверх застрявшую в вязкой грязи незнакомую долговязую девочку.

Они поднялись на луг. Остановились перевести дух.

– Зачем к этому берегу пошла, глупая, здесь же он крутой и скользкий.

– Я... посмотреть хотела, – проямлила Ия и заревела в голос.

– Хватит нюни распускать, – рукавом своей рубашки мальчик заботливо вытер ей слёзы. – У, как тебя комары покусали!

Снял свою курточку и набросил девочке на плечи: «Меня Сашкой зовут, а тебя как?»

Так они познакомились. Саша жил в деревне, что ютилась в стороне от дачного посёлка. Недавно ему исполнилось десять лет, и он считал себя достаточно взрослым. Ия была на год старше.

– Ну, потёпали, – он взял девочку за руку, и она безропотно подчинилась, – а я слышу, вроде котёнок у воды пищит, а это ты... смешная такая... босая и по уши грязная...

Дома рыдала мама, суетились соседи, пахло валерьянкой и неустанно звонил телефон. Командовал поисками ребёнка Вадим Сергеевич. «Ах, ты ж негодница!», – закричал было он, увидев Ию, но его перебил радостный материнский вопль. Поднялась суматоха, и на Сашку никто не обращал внимания. Он бы, конечно, уже ушёл, но надо было забрать свою курточку.

– Это Саша меня спас, – постоянно повторяла, рассказывая про свои злоключения, Ия, и мальчика, наконец-то, соизволили заметить. Вадим Сергеевич, бросив на него высокомерный оценивающий взгляд, великодушно кивнул и, небрежно всучив в руки куртку, выпроводил вон: «Иди домой, мальчик, иди домой – не до тебя сейчас».

– Зачем вы так – если бы не он, я бы утонула! – закричала, обидевшись, падчерица, и побежала следом: «Саша, Саша, приходи ко мне завтра. Мы же теперь с тобой друзья, да?» – спрашивала она, заглядывая в карие с крапинками глаза, и оправдывалась, что это всего лишь отчим. «Я знаю, что такое отчим», – мальчишка понимающе кивнул и пообещал завтра быть.

– Саша мой друг теперь, он спас меня, – вернувшись в дом, радостно сообщила Ия, и обвела всех измученным сонным взглядом.

– Хорошо, хорошо, – замахал руками Вадим Сергеевич, – для таких, как он, это не подвиг. Простой деревенский парень, да ему что грязь, что туман – не помеха в жизни. Дружите, может тебя, неумёху, чему-нибудь полезному научит.

Утром следующего дня Саша ждал Ию, сидя на брёвнах, сложенных вдоль забора. Девочка ночью спала плохо, вскрикивала – всё ей чудилась коварная река в тумане. Она хватала маму за руку, но тонкие нервные пальцы были холодными и безвольными. Они были не надёжными. Под утро успокоилась, а проснувшись ближе к полудню, сразу спросила про Сашу.

– Ждёт, с утра уж сидит за воротами, – пробасил на весь дом отчим, и Ия, не переодевшись, в ночной сорочке выбежала на улицу.

– На, – мальчик достал из-за пазухи два больших зелёных яблока, и протянул их девочке, – это самые лучшие во всём районе.

– Ух ты! – засияли её глаза от восторга.

Дети быстро подружились. Редкий день не встречались, и каждый раз Саша приносил Ие яблоки. Они действительно были необыкновенно вкусными и сочными, а ещё столь красивыми, что казались ненастоящими. Девочка, получая гостинцы, всегда была рада, а мальчик очень уж старался ей угодить.

Что связало этих маленьких, совсем непохожих друг на друга ребяташек – городскую изнеженную девочку и бесстрашного сельского пацанёнка? Возможно, душевная обездоленность, чистота детских сердечек, – кто знает, но подружились они крепко. Её слабость давала ему возможность проявлять истинно мужское, заложенное природой, чувство лидерства, снисходительную заботу. Она же чувствовала так необходимую всем женщинам защищённость. С ним было не страшно и не скучно.

Сашка открыл Ие дверь в отчаянно-счастливое босоное детство, о котором она читала в книгах и не смела даже мечтать. Уже через месяц она переплывала речку Переплюйку, в которой чуть было не утонула в тумане, и прыгала наравне со всеми в воду с тарзанки. Научилась отличать съедобные грибы от несъедобных, замазывала раны соком чистотела и заклеивала их подорожником.

Когда у Вадима Сергеевича закончился отпуск, и Ия осталась с мамой, дети почувствовали себя ещё свободней. Каждый вечер они сидели на крыльце, и Ия рассказывала Сашке прочитанные прежде книги – сейчас ей читать было абсолютно некогда. Саша слушал с интересом и восхищался тем, как много она знает. Его иногда приглашали зайти в дом, но он решительно отказывался – понятливый был и гордый. Не забыл, как пренебрежительно взяв за плечи, его выставили из дома вон.

Как-то раз Саша принёс полную корзину яблок, а надо заметить, что жил он не близко. Пришёл весь взъерошенный, уставший, но радостный настолько, что смеялся просто так – беспричинно, и с ним смеялись все – и мама, и Ия, и старая тётка, что осмелилась приехать погостить в отсутствие хозяина. И надо было такому случиться – именно в это время вернулся на дачу Вадим Сергеевич. Поддавшись общему веселью, он сделал памятную фотографию детей. С аппетитом хрустел яблоками, восторгаясь их отменным вкусом, и спросил у Сашки, где он их берёт.

– Я согласен покупать эти чудесные яблоки, но только у хозяина, – важно так сказал.

– Они не продаются, – опустив взгляд, недовольно произнёс мальчик, – это для Ии.

– Ишь ты, какие высокие чувства, но сам-то ты их где берёшь? И чего глаза прячешь, а? Воруешь, поди? Отвечай!

– И не воруя вовсе.

– Тогда ответь мне на вопрос: где ты берёшь эти яблоки? Ты должен мне сказать правду, – полный и лысеющий, неприятно потный, Вадим Сергеевич жёстко чеканил слова.

– Он ничего тебе не должен, отстань от мальчика, – вступилась мама и позвала к столу. Саша ушёл. И все вмиг стали серьёзными и грустными, и у всех испортилось настроение.

– Почему вы ни разу не пригласили Сашу отобедать с нами? Почему вы не разрешаете пускать его в дом? – Ия смело посмотрела отчиму в глаза.

– Обед, – долго и нудно начал философствовать Вадим Сергеевич, громко прихлёбывая борщом, – это дело святое, семейное, можно даже сказать, интимное. А в дом позволено пускать только проверенных людей. Чужим тут делать нечего: не сам обворует, так других наведёт. Деревенским палец в рот не клади – ушлый народец. Зачем он шастает сюда каждый день? Чего он здесь забыл? В чём интерес? Только не смешите меня, называя это дружбой!

Вытаращил глаза и потряс указательным пальцем: «Высматривает!»

– Хватит! – вскрикнула Галина, раздражённо бросив ложку на стол. – Слушать противно! Да что тебе сделал этот мальчишка? Что ты к нему прицепился? Радоваться надо, что у Ии, наконец-то, появился друг.

– Нет, он всё-таки должен ответить, где берёт такие дорогие яблоки, – грубо прервал её Вадим Сергеевич. – Ты разве не видишь, что они не простые. Может этот дрянной мальчишка вор, а ты, – он ткнул пальцем в сторону падчерицы, – выходит, его пособница.

– Ты ведь сам воруеть, – Ия сказала тихо, но смысл слов был столь велик, что на секунду воцарилась тишина, – ты же на работу не ходишь, вместо неё у тебя одни встречи. Откуда у тебя столько денег? Почему ты всех боишься? Это ты – вор, и в каждом видишь вора. Злишься, что купить не можешь, так не всё продаётся.

– Гадкий щенок! – взревел отчим. – Это он настраивает тебя против меня, против семьи! Всегда знал, что от этого деревенского быдла надо держаться подальше! Чтоб с данной минуты, этого сопляка я больше не видел. Всем понятно?

Слабые нервы у молодой жены не выдержали, и она заплакала: «Это невыносимо! Я теперь понимаю, почему тебя называют напыщенным индюком – ты не человек, ты, и правда, индюк, только не напыщенный, а глупый и гадкий. Войну объявил десятилетнему мальчишке – дурак!»

Стараясь унять лихорадочную дрожь, вышла на крыльцо.

С Вадимом она жила, как у Христа за пазухой, но как человек он был ей неприятен. Тяжёлой ношей стало то, что муж абсолютно не принял её дочь – всё, что было связано с девочкой, раздражало и нервировало его. Свои чувства он и не скрывал, сам был недоволен браком. Анемичная и неприспособленная к жизни балерина его устраивала, но никак не ожидал, что дети могут доставлять столько хлопот.

Отношения рушились на глазах, и виноватым в этом посчитали простого деревенского мальчика.

Разговор оставил неприятный осадок у всех.

– А правда, где ты берёшь яблоки? – спустя некоторое время спросила Ия, ведь зерно недоверия уже было посеяно.

Саша ответил не сразу: «Ворую».

– Воруеть! Выходит, он прав, – вскинула испуганный взгляд на него, нервно сжала кулачки.

– Да, но это мои яблони, понимаешь, мои – не его. Сад мой отец сажал, когда я родился, мне мать рассказывала, а... этот гад пришёл на готовое и...

Ия занервничала. Она всё поняла и ласково погладила друга по плечу. Девочка знала, что папа у Саши был участковым в районе, и его убили бандиты, а после мама вышла замуж за одного из них. Сашке было плохо без отца. Он страдал от предательства матери, непощения, жестокости отчима, и стремился быстрее стать взрослым, чтобы навсегда покинуть отчий дом.

– Не надо, – Ия зажала уши руками, – не надо о плохом, я знаю, что ты не вор и никогда не будешь им, но... не надо о грустном – не надо!

Тонкая ранимая детская душа ещё не готова была справляться с жестокой несправедливой правдой жизни. После этого случая дети стали ещё ближе друг к другу, и о предстоящей разлуке старались не думать.

Стоял август, дни стали заметно короче. Пожухлая трава и прохладные вечера с грустью напоминали о приближении осени. Речка обмельчала, после второго августа в ней никто не купался – говорили, что в воду пописал олень. Мама заскучала и просилась в город. В день яблочного Спаса, Вадим Сергеевич приехал за семьёй. Ворвался в дом с криком, всех торопя, и вопил, что в обед у него важная встреча. Всегда от него была суматоха и много бесполезного шума.

– Галя-Галя-Галя, быстрее-быстрее-быстрее, – повторял скороговоркой и носился из комнаты в комнату, словно сумасшедший.

С тревогой Ия выглядывала в окно, Саша обещал принести ведро освящённых яблок. Он много рассказывал об этом таинстве, и воображение девочки рисовало сказку – сказку дивную, загадочную. Всё, что было связано с другом, ей казалось не только важным и настоящим, но и волшебным. Саша стал для неё главным человечком в жизни – эта маленькая девочка любила его больше всех на свете. Она даже не осознавала, что душой он много ближе, чем родная мама, которая по жизни была какой-то равнодушно-отрешённой, и полностью подчинилась пренеприятнейшему самовлюблённому хаму. Да и не могла Ия, не простившись с Сашкой, уехать. Не могла! Уж ярким полуденным солнцем был залит день, а Сашки всё не было. Она, как могла, тянула время, но увы, вещи погружены, и массивный джип, переваливаясь с бока на бок по просёлочному бездорожью, уверенно несётся прочь из лета в неизвестность.

Ия хныкала, нервничая, обкрутилась вся, выглядывая в окно и – о, счастье – навстречу идёт Сашка. Согнувшись, слегка заплетаясь ножками от тяжёлой ноши, несёт полное ведро яблок – жёлтых, красных, зелёных, с цветными бочками в полосочку, и самыми любимыми Ией – тёмно-бордовыми с «заячьими мордочками».

Непослушные волосы приглажены, белая рубашечка заправлена в новые джинсы. Грустное личико его растянулось в улыбке. Остановился, поставив ведро на землю, но... джип проехал мимо. Задыхаясь от негодования, Ия закричала: «Остановись, там Сашка! Остановись!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.